

ШОЛОХ

ТЕНЕВЫЕ БЛИКИ

АНТОНИНА
КРЕЙН

В
ПОЛНОЛУНИЕ

ЗАПИРАЙ

ДВЕРИ

Антонина Крейн
Шолох. Теневые блики
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Шолох», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63113692

*Шолох. Теневые блики:
ISBN 978-5-04-111933-1*

Аннотация

Тинави живет в столице колдовства, но напрочь лишилась магии. Теперь на ее будущем можно поставить крест.

Но в полнолуние она спасает странного мальчишку с амнезией, а следующим утром внезапно получает работу Ловчей – детектива по делам чужестранцев. В паре с магом Польшью Тинави предстоит отыскать убийцу, орудующего в самом сердце королевства – во дворце. Постепенно девушка убеждается, что на магии свет клином не сошелся.

Только вот незадача: все ее новые знакомые – не те, кем кажутся на первый взгляд...

Содержание

1	5
2	18
3	32
4	49
5	62
6	71
7	89
8	104
9	117
10	132
11	150
12	167
13	182
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Антонина Крейн

Шолох. Теневые блики

© Крейн А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Долг перед обществом

*И я коснулся дна и, оттолкнувшись,
вверх поплыл на свет неведомых,
невидимых планет...*

Старинная дэльская песня

Дважды в месяц, на новую и на полную луну, все жители Шолоха крепко запирают двери своих домов.

В это время смутные тени в темно-зеленых одеждах выходят в лес. Их неясные лица под глубокими капюшонами дышат золотом старинных гобеленов, а ярко-оранжевые фонари освещают им путь. Шаги незнакомцев легки: ни одна травинка не чувствует их тихой поступи. Всюду царит безмолвие. Не крикнет птица, не шелохнется листва старой ивы.

В такие ночи Шолох, столица Лесного королевства, безраздельно отдан духам.

Мы называем их бокки, потому что на древнем наречии Восточных Пределов «бокки» означает «искра», «тайна» и «непостижимое».

Бокки бродят по всему городу. Они кружат по дубовым рощам, выходят на центральные улицы, спускаются к бурным водам реки Нейрис. Иногда они подолгу стоят под окнами того или иного дома, и только фонари со скрипом рас-

качиваются на ветру.

Никто не смеет нарушить дозор бокки-с-фонарями.

Нельзя препятствовать их скорбным прогулкам. Они – егеря старых королей, важнейшая часть нашей истории. Признавая право бокки на две ночи в месяц, мы будто снимаем шляпу перед богами-хранителями, без которых Шолох никогда не стал бы Шолохом.

Но... как быть, если дух уже битый час топчется на твоей клумбе и колотит, колотит, непрерывно колотит в окно фонарем?

– Вот зараза! – Кадия поднялась из кресла и потопала к нарушителю спокойствия. От обжигающего чая носик подруги покраснелся, оттеняя ее пшеничную шевелюру.

– Эй, ты, призрак! – Кад ткнула пальцем в стекло. – А ну брысь отсюда!

Ноль эффекта. Бокки по ту сторону продолжал бесчинствовать.

Хотя я на его месте поумерила бы пыл: Кадия страшна в гнев. Писаная красавица, стражница, дочь высокопоставленного чиновника и просто боевая натура, она кому хочешь задаст жару. Будь он хоть трижды «непостижимый».

Я тоже с любопытством подошла туда, где спальня обрывалась в ночь. За панорамным окном во всю стену, выпуклым, как аквариум, мир духов плыл под толщей волшебства.

И только бокки все стучал. Вот сумасшедший дятел!

– Что будем делать? – протянула я.

– Не обращайтесь внимания! Тогда ему, наверное, надоест, – предложил Дахху.

Дахху – это третий и последний из нашей дружной компании.

Сейчас друг полулежал на диване, и длинный полосатый шарф обматывал его шею свободными петлями, свисая чуть ли не до пола. Дахху дотошно изучал передовицу «Вострушки» (лучшая столичная газета, печатается под редакцией Анте Давьера). В новостях не было ничего интересного, но Дахху, знаете ли, педант.

И, думаю, он прав насчет бокки. Я кивнула и наглухо задернула шторы.

– Вот и славненько! – одобрила Кадия, когда глубокий синий бархат приглушил истерику духа.

Подруга с размаху плюхнулась на грушеподобный пуф, схватила миску с виноградом и продолжила учиться ловить ягоды ртом – с подброса. Получалось ужасно! Половина трагически улетала на пол, но Кадия это не смущало. Ее вообще не многое могло смутить. К сожалению.

Кстати, да, я же не объяснила.

Кадия, Дахху и я – бывшие однокурсники. Семь лет мы втроем учились у строгого наставника, магистра Орлина. Боюсь, с точки зрения науки мы остались жуткими невеждами, зато обрели нечто не менее ценное, чем знания, – настоящих друзей. Тех, за кого держишься крепко, как за шток-мачту во время шторма. И кому легко прощаешь минное поле из

винограда на своем ковре.

Раз в неделю мы с ребятами собираемся на совместную ночевку у меня дома.

Вечеринки всегда проходят одинаково: мы болтаем обо всем на свете, потом кого-нибудь тянет танцевать, и мы пляшем, будто бешеные кочевники, а ближе к утру заваливаемся спать, и по комнате долго летают уютные шепотки: «Ты уже уснула?», «Дахху храпит, зараза», «Давай ему лимоном на язык капнем?».

И ни разу еще в нашу тесную компанию не пытался врываться чужак. Тем более такой неожиданный и рьяный, как бокки-с-фонарем.

Стук фонаря о стекло все еще слышался, но тихо. Я вернулась к своему занятию: подошла к камину и стала технично рвать письма, пришедшие за полгода. Обрывки официальных бумаг – сплошь отказы в приеме на работу – мертвыми мотыльками падали по ту сторону витой решетки. Будет холодный день – разожгу огонь и спалю все это к праховой бабушке.

– Тинави, а что с твоим последним заявлением? – вдруг с набитым ртом спросила Кадия.

Я изобразила, что не слышу.

– Тина-а-а-ави! – пропела подруга.

– Каким из них? – неохотно буркнула я.

– На должность тренера по тринапу.

Мой взгляд скользнул к остаткам конверта в глубине ка-

мина. Я пожала плечами:

– Моя кандидатура им не подошла. Вы бы видели, как перекосило рекрутера, когда я сказала, что я магическая калекка. Я уж думала – insult! Откачивать его собралась...

Кад нахмурилась:

– Да перестань ты называть себя калеккой! Магия не часть тела. Ее потеря несравнима с физическим увечьем. И учитывая, где я работаю, я знаю, о чем говорю.

– Заметь – ты работаешь. А я – нет. Никому в королевстве не нужны отбросы общества.

– Хей, девушка, следите за языком!

Я отвернулась к книжному шкафу, пряча лицо. В зеркале на полке отразилось, как Дахху таращит глаза и знаками показывает Кадии, чтобы она сменила тему. Деликатный ты мой...

Я фыркнула:

– А что? Все равно никто не нуждается в моих услугах. Дахху целыми днями гундит, что не реализуется в Лазарете, ты жалуешься на коллег-стражников, а я... Завидую, наверное. Очень весело сидеть дома и смотреть, как жизнь проносится мимо. И все из-за одной оплошности в выпускную ночь! – Я запнулась.

Потом с горестью продолжила:

– Тринап был моей последней надеждой. Казалось, какое дело миру спорта до моих магических способностей? Но нет. Отказ. Несмотря на все мои медали. Вот они, сплошные плю-

сы жизни в колдовской столице! Больше идей о трудоустройстве у меня нет. Так что: добро пожаловать на дно, Тинави из Дома Страждущих! – Я театральным жестом распростерла руки и поклонилась.

Перехватив мой взгляд, Дахху сочувственно блеснул глазами из-под темно-коричневой, в цвет волос, шапки. Зима на улице или конец мая, как сейчас, – будьте уверены, Дахху из Дома Смеющихся не расстанется с вязаными аксессуарами. Богемный шик? Да нет! Скорее, нехитрый способ спрятать шрамы, полученные в детстве. И седые пряди на макушке.

Кадия же ринулась в бой: выкарабкалась из мягкого пуфа, засасывающего, как зыбучие пески, подошла ко мне и ободряюще потрепала по плечу. Жест получился воистину материнским: Кадия выше меня на голову.

– А ну, отставить грусть! Надо продолжать бороться! Бороться до конца! – патетически заявила Кад, как на трибуне выступала.

И, следуя ее завету, со стороны окна слышалось настолько отчаянное, страшное звяканье стекла о стекло, что мы вдвоем аж подпрыгнули.

Дахху мигом отбросил газету. Друг вскочил, подбежал к окну и дернул за бархатную веревочку. Шторы со скрипом разъехались в стороны. За ними, как на театральной сцене, снова возник бокки-с-фонарем.

На сей раз пустое лицо призрака оказалось в пугающей близости: оно почти прижималось к стеклу. Туманный подол

зеленого плаща змейкой вился вокруг моих розовых кустов. Сгустившаяся до черноты ночь пахла холодом.

Дахху шумно сглотнул и хотел отступить, но мы с Кадией уже подперли его сзади. Ведь нам известно: любопытство веселее страха.

В стекле слабо светились наши отражения: задиристая красотка Кад, носатик Дахху и моя глазастая физиономия. Между нами, будто мистический судия, мерцал стоявший по ту сторону бокки.

У лесного духа резко прибавилось энтузиазма. Теперь он колотил без остановки.

– Э-э... – сказала я. – Он так окно разобьет!

– Да он там не один! – Отражение Дахху зашевелило полупрозрачным ртом. – Вон, от леса еще идет.

Следующие пару минут мы во все глаза таращились на происходящее в саду. Музыкальное сопровождение в стиле «звяк-дзыньк-звяк-тыдыщ» добавляло сцене колорита.

Вдали, между густо растущих сосен, зажигались новые и новые огоньки – оранжевые искры в лесной прохладе, тихой и влажной, как речное дно. Призраки приближались, плывя в двух сантиметрах над землей.

Кадия озадаченно хмыкнула:

– Тинави, у тебя дома достаточно еды? Чувствую, придется держать осаду!

Вдруг Дахху прильнул к окну, всматриваясь. У калитки творилось неладное: две дюжины бокки столпились там тес-

ным кругом. Наш бокки-первопроходец тоже развернулся и отчалил. Мне показалось, что нечто чужеродное закралось среди духов. Я сощурилась. В зеленовато-зыбких рядах мелькнуло что-то белое... Еще раз, еще...

– Народ, а там может быть человек? – Голос у Кадии неожиданно охрип.

– Да вряд ли... – протянула я.

И тотчас мы поняли, что ни разу не «вряд ли». Среди бокки действительно затесался кто-то в белой одежде: человек был плохо виден, но, судя по всему, отчаянно махал руками.

Дахху не стал махать в ответ и молча бросился в прихожую. Мы кинулись за ним.

В моей голове лихорадочно завертелись обрывки старых сказок: «Кто выйдет к бокки – того найдут через сорок дней под горой»; «Бокки коснулся Ши Лиардана, и мальчик обернулся черной птицей, после чего навсегда улетел в ночное небо». Или вот это, мое любимое: «Бокки поставил фонарь на землю и съел ее живьем».

Что вполне могло оказаться правдой, потому что в Шо-лохе настолько уважают бокки и настолько боятся нарушить хлипкое магическое равновесие, помешав им, что никогда не изучают духов экспериментально. Только на расстоянии: через окошко и по книжкам.

А значит, никто по факту не знает, чем обернется столкновение с бокки лицом к лицу. Верней, лицом к капюшону.

В коридоре Кадия молниеносно сдернула с крючка мою

биту для тринана и пинком распахнула дверь. Мгновение спустя она уже мчалась через лужайку, тонконогая и стремительная, как зубастая цапля Рычащих болот. Дахху семенил следом, стараясь не расплескать собранное в ладонях заклятие.

Итак, прошу любить и жаловать: мои друзья – храбрые самоубийцы! Ладно Кадия, она стражница и привыкла к тому, что может надрать задницу очень многим, но зачем доходяга Дахху из года в год сует голову в самые узкие и безнадёжные петли – это для меня загадка.

С гулко бьющимся сердцем я выбежала за ними. Замешкалась на пороге в надежде прихватить какое-нибудь оружие, но откуда оно у меня? Пришлось ограничиться пыльным зонтиком. Ох уж этот диктат повседневности!

Трава под босыми ногами была неприятно холодной. Полная луна просвечивала сквозь верхушки пиний. В ее неверном свете сцена, развернувшаяся в саду, напоминала шаманский обряд.

При появлении Кадии, которая с криками бежала в авангарде нашей маленькой армии, бокки начали медленно расходиться. Очень медленно, как мед, лениво уступающий воткнутой в него ложке. Подруге пришлось остановиться и грозно потрясать битой, не сходя с места, иначе бы она просто врезалась в неохотно разбредающих духов. Серая флисовая пижама Кад издали казалась доспехами.

– Ну-ка пошли отсюда! Кыш! – Подруга разгоняла бок-

ки, как кур на ферме. Как ни странно, призраки слушались: уплывали прочь с таким колоссальным спокойствием, будто все было в пределах нормы.

Дахху подскочил к лежащему на земле пареньку. Возле того еще отиралась пара бокки, но лекаря, вошедшего в раж, это не смутило. Он прошмыгнул, предупреждая приоткрыв ладони с бурлящим заклятием, и был таков. Я выставила зонтик на манер щита и стала оттеснять запоздавших духов вбок. Кадия продолжала размахивать битой и сыпать проклятиями.

Это было излишне: бокки все равно не собирались оставаться в обществе таких негостеприимных хозяев. Чуть ли не откланявшись напоследок, они растворились вдали.

Виновником нашей вылазки оказался подросток лет двенадцати. Невысокий, с лицом правильной овальной формы, он свернулся на траве калачиком и лежал, подложив руку под голову. Уютненько так лежал. Каштановые волосы с легкой рыжинкой (совсем как у меня!) были подстрижены под горшок. Курносый нос побледнел, созвездие из родинок темнело на щеках, а белый комбинезон мальчика был перепачкан зелеными стрелами разнотравья и земляной крошкой.

– Он жив? – с опаской уточнила я у Дахху.

Друг попытался нащупать у незнакомца пульс. Шапка Дахху съехала набекрень, фисташковые глаза блестели от адреналина.

– Да, – облегченно выдохнул он. – Еще как жив.

– Тогда затащим мальчишку в дом. – Я огляделась. – Вдруг духи вернутся?

Мы втроем подхватили «жертву» на манер мешка с песком и заторопились в сторону коттеджа. Поднявшийся ветер лишил меня видимости: длиннющие волосы Кадии налепились мне на лицо, так что я шла почти наобум. Но все равно увидела, когда из руки мальчика что-то выпало.

– Донесем, я потом подниму, – предложил Дахху. Наш спасенный был на удивление тяжелым для своего телосложения.

– Он что, кольчугу под одеждой таскает? Откуда столько килограммов? – пыхтела я, преодолевая последние ступени своего так некстати высокого крыльца.

– Не, точно не кольчугу. Она б из-под рубахи выпирала, – со знанием дела прокомментировала Кад.

Наконец мальчик оказался в гостинной. Филин Марах, мой домашний питомец, проснулся и тревожно заухал в углу.

– Я мигом, – сказал Дахху и вышел в ночь.

Когда он вернулся, его глаза были в два раза больше, чем обычно, а шапка окончательно уползла на затылок. Шарф размотался, волочась за другом по полу.

– До меня дотронулся бокки, – глухо сказал Дахху.

– Что? Как? Они же все ушли?!

– Один остался. Когда я поднял вещицу, бокки уже стоял рядом. Он коснулся моего локтя и пропал. Но теперь я испытываю некий дискомфорт и ощущаю, кхм, перепад тем-

ператур...

Я потрогала руку Дахху. Кожа была ледяной. Друг вручил мне безделушку мальчика и начал интенсивно растирать локоть.

Вещица представляла собой цилиндр из неизвестного фиолетового металла. Она оканчивалась широкой частью, похожей на абажур, который сбоку перекрывало молочно-белое стекло. Посередине нашлась мягкая кнопка со схематично изображенной дверью. Я нажала на нее несколько раз, но ничего не произошло.

Я положила вещицу на стол и снова посмотрела на Дахху. Смеющегося знобило.

– Возможно, ощущение холода – это нервное, – предположила я.

– Надеюсь. – Дахху передернуло. – Не хочу практиковать ампутацию на самом себе. Как раз на следующей неделе ее проходить будем...

– Да ладно! Если ты не затянешь с исповедью, тебя мигом вылечат.

– Ты думаешь, мне стоит рассказать в Лазарете о случившемся? Да за выход к бокки меня лишат стипендии!

– По-твоему, стипендия важнее руки?

Кадия, рубанув по воздуху ладонью, прервала нашу дискуссию:

– Так! Народ! Давайте решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть некий мальчик без сознания, и лич-

но я хочу привести его в чувство, чтобы понять, за каким прахом он поперся гулять в полнолуние. Может, он вообще оборотень какой, и мы зря его спасли. Нужно срочно определиться с его добропорядочностью. Это наш долг перед обществом! Так что извольте помочь. Дахху, на пощечины он не реагирует, что там с пробуждающими заклятиями?

Заклинания не сработали. Мальчик мирно спал.

Оставшееся до рассвета время – а поздней весной солнце встает очень рано – мы пытались его разбудить. Кадия – пинками и ушатым ледяной воды. Дахху – ворожбой. Я – уговорами.

Под утро мы совершили еще одно жуткое преступление: связали подростка простынями, затолкали получившийся кулек между диваном и стеной и с полными сомнения душами легли спать.

– Кад, – шепнула я подруге, когда Дахху вырубился. – Как думаешь, нас не посадят за такое в тюрьму?

– Сегодня не посадят! – оптимистично отмахнулась Кадия и сразу же мирно засопела.

Я со вздохом последовала ее примеру.

Познакомьтесь с полынью!

*Удача – это всего лишь умение быть начеку.
Балатон из Дома Мчащихся, Глас короля*

Меня разбудил громкий стук в дверь. Тяжелые резкие удары, будто добиться внимания пытался горный тролль, а то и кто побольше.

В комнате было душно и желто от всепроникающего солнечного света.

Я подскочила на кровати и побежала открывать, на ходу перепрыгивая через спящие на матрасах тушки Дахху и Кадии. За диваном угрюмо безмолвствовал то ли спасенный, то ли похищенный мальчик.

Мальчик!

Прахов прах, прах, прах!

Неужели это Смотрящие из Лесного ведомства пришли по наши преступные души? Или чародеи-Лакмусы хотят перекинуться парой ласковых? А может, вообще Ходящие... Тогда пиши пропало.

У меня непроизвольно вырвался стон.

Я оглянулась на ребят. У Кадии из Дома Мчащихся, дрыхнувшей в позе звезды, красиво блестели на солнце волосы. Во сне подруга скинула с себя одеяло и возлежала с досто-

инством, удивительным для человека в пижамке. Дахху же свернулся под пледом в клубок, так что торчали только нос и нестриженные вихры.

Кулек с загадочным мальчиком не шевелился.

Под несмолкающий стук я выбежала в коридор, где за входной дверью скрывались неведомые каратели. Попытка отыскать в голове что-то похожее на план действий окончилась провалом. Лихорадочные мысли гулко врезались в костяные стенки черепа, не встречая по пути ни грана полезной информации: увы, я всегда была совой, туго соображающей поутру.

Едва я замерла перед дверью, не решаясь ее открыть, как стук оборвался.

– Госпожа Тинави, приветствую, – раздался спокойный и совсем не злой мужской голос. – Я не вовремя?

Хм. Каратели вряд ли были бы столь милы.

– Да, к сожалению, я не при параде, – озадаченно протянула я. – А вы, простите, кто?

– Меня зовут Полынь. Я ваш куратор в Иноземном ведомстве.

– Э-э? Здесь явно ошибка! Я там не работаю!

– Теперь работаете, поздравляю. – В голосе отчетливо слышалась усмешка. – Начиная с сегодняшнего утра, вы занимаете должность Ловчей.

– Что?!

– Разве вы не получили ведомственную ташени? Мы от-

правили вам летучее письмо вчера вечером.

Мое лицо вытянулось, ведь я не помнила никаких ташени.

Ташени – это магические послания, оригами в виде птичек, которые «оживают» от нужного заклинания и находят адресата в любой точке города. Но если все окна и двери закрыты, ташени не сможет прорваться в дом...

А у меня есть дурная привычка: я люблю запираюсь в своем одиночестве.

– Тинави, – чужак, в ответ на мое молчание, заговорил тем мягким тоном, какой выбирают для детей и дураков. – Давайте так. Вы закончите свои дела, приведете себя в порядок, а я подожду здесь. Как будете готовы, выходите. И мы вместе отправимся в ведомство на ваш первый рабочий день.

– В ведомство, – тупо повторила я, – на работу.

Человек выдержал многозначительную паузу.

Потом, судя по возросшей громкости голоса, он прижался к двери вплотную и вздохнул:

– Поторопитесь, если вы все еще хотите у нас работать. Вы ведь хотите?

– Д-да! – сказал мой подлый рот до того, как мозг успел его остановить.

Какое еще «да»?!

Зажав провинившийся рот руками, чтобы еще чего не ляпнул, я, спотыкаясь, попятилась в комнату.

Никогда еще входная дверь в собственный дом не казалась мне такой манящей и пугающей одновременно.

По спальне бесшумно, но панически металась Кадия.

Дахху дрых, посвистывая на выдохе. Заботливо свернутый нами кулек с мальчишкой был размотан и обескураживающе пуст. Судя по всему, именно это превратило подругу в подобие безмолвного траурного вихря.

Вывод напрашивался сам собой.

– Сбежал?

– Сбежал! – трагическим шепотом подтвердила Кадия. – Я очнулась от хлопанья ставни, – она кивнула на второе окно моей спальни. Уже не панорамное, а обычное, скромно притаившееся за книжными полками.

– Вот прах! – Я с чувством выругалась. Потом озадаченно добавила: – Слушай, тут такое дело. Меня сейчас же вызывают в Иноземное ведомство.

Кадия отшатнулась.

– Я думала, нас максимум оштрафуют за выход к бокки!

– А меня не штрафовать. – Я покосилась в сторону коридора и понизила голос: – Меня приглашают на службу.

– Что? – Кадия распахнула свои прекрасные голубые глаза, приоткрыла пухленький ротик... А потом мыском ноги непочтительно ткнула спящего Дахху.

– А ну подъем! – гаркнула она. – Тут у нас повод для праздника!

– А подождать он не может? – просипел друг и плотнее завернулся в одеяло. – Такой божественный сон...

– Не может. Тинави взяли на работу в Иноземное ведомство!

Дахху мгновенно сел. Вертикальное положение он принял со скоростью игрушки-неваляшки. Проморгавшись, друг ошарашенно обратился ко мне:

– Это правда?

Да чтоб я знала!.. Я развела руками:

– Человек за дверью говорит, что да. Хотя я не подавала заявление, сами понимаете.

Ребята кивнули.

Конечно, они понимали.

Иноземное ведомство – это государственное учреждение. Попасть туда на работу – задача не из легких, и уж точно не по зубам такой, как я.

«Я завязала с магией», – шутила я на трех десятках собеседований, на которые успела сходить после инцидента.

Рекрутеры почему-то не спешили смеяться в ответ. Лишь хмурились и шустро сворачивали разговор под тем или иным предлогом. Я даже стала собирать их отговорки: «Кажется, обеденный гонг звонит... закончим на этом», – мое любимое; услышано в семь утра.

В общем, никто не заинтересовался ни моим блестящим образованием, ни спортивными успехами, ни сокрушительным – ах, если бы! – обаянием, ни другими – реальными

и выдуманными – козырями. Графа «Магические способности: утеряны» метким щелчком складывала карточный домик карьерных надежд. Таяли, один за другим, зимние, а потом весенние деньки. Таяли деньги на счету. Таял оптимизм.

Росла гора отказов на каминной полке.

Я прикусила губу:

– Как быть?

– Иди и узнай подробности, – посоветовала Кадия.

Дахху задумчиво почесал свой выдающийся нос.

– Может, они социальную программу организовали? Что-нибудь с привлечением к службе не-магов?

– Может, – осторожно согласилась я.

– На месте разберешься. – Кадия бодро отмахнулась. – Только, – она фыркнула, – не спеши убеждать всех, что это недоразумение и ты недостойна работы! Осмотрись, послушай, а там уже рот открывай. Договорились?

– Да. Но мне страшно. Мало ли что им наобещал рекрутер, – призналась я.

– Мне тоже страшно, – проворчала Кадия. – Как подумаю, что ночной ребенок принял нас за похитителей и сейчас со всех ног бежит жаловаться – так прям очень страшно.

Мы втроем растерянно посмотрели на окно. В него, сокращая обзор, кучей вваливались ивовые ветви – частая проблема с окнами Лесного королевства, знаете ли.

Дахху выпутался из одеяла.

– Я найду мальчика. Я поставил на него метку Чондра, и

его путь будет светиться для меня легким серебристым цветом. Таким же, как моя новоявленная седина – теперь и на висках, спасибо бокки за это... – Он с сомнением почесал голову под шапкой.

Потом подошел к подоконнику, крикнув, раздвинул ветки и полез наружу.

– Придется повторять все движения мальчика, – пояснил друг и смешно поджал губы в куриную гузку.

– На Ловчего во дворе не навись! – всполошилась я. – Не то подумает!

– Все под контролем. Дорожка ведет в овраг. – Дахху неуклюже спрыгнул на розовую клумбу. – А ты иди в ведомство. Вперед к мечте, как говорится.

– Поддерживаю! – Кад задорно хлопнула меня по плечу. Так задорно, что там теперь расплывется синяк.

Внезапно решившись, я бросилась к шкафу и начала судорожно перебирать вещи в попытках найти что-то уместное. Судя по насмешливому уханью Мараха, надежды было ноль. Увы, полгода жизни в режиме «рак-отшельник» плохо влияют на гардероб.

– Возьми это, – посоветовала Кадия. Она ловко выудила из глубин шкафа изумрудное платье в пол. – Хорошо смотрится с синими глазами. Да и вообще, зеленый успокаивает. Правда, вряд ли это спасет такую невротичку, как ты.

– Оно же вечернее!

– Ну... – Кадия окинула критическим взглядом сначала

меня, потом платье. – Скорее, нечто среднее между праздничными монахинями и целомудренными дриадами. Главное, летягу сверху не надевай.

– Без летяги я никуда не пойду! – Я сдернула предмет спора со спинки стула, пока этого не сделала Кад.

Любимый плащ шелковисто скользнул по коже, охлаждая мое напряженное сердце. Другие носят на удачу амулеты, но я не мелочусь – таскаю целый плащ.

По летяге меня можно узнать за версту.

Почему «летяга»? Потому что объемный крой, треугольный капюшон и широкие рукава придают плащу сходство с белкой-летягой. Некоторые детишки даже прыгают в таких с деревьев – смутно надеются на красивый полет. Лекари, уставшие заращивать переломы, регулярно подают петиции против обманчивого фасона, но тщетно: несколько лет назад Торговая палата объявила летягу традиционным нарядом королевства.

Однако мой плащ – уникум. Во-первых, он невероятного бирюзового цвета.

Во-вторых, задорно топорщится сотней кармашков, ведь я жуткая барахольщица. Для комфортной жизни мне нужно носить с собой кучу мелочей: я распикиваю их по цветным карманам, которых с каждым годом становится все больше, и горя не знаю. Зеркальце, ягодные леденцы, писчее перо, нож, пустырник и томик стихов... Нужно что-то – спросите у меня, прежде чем идти на рынок.

Уже на пороге я замешкалась и, осененная неожиданной мыслью, схватила со стола вчерашний цилиндрик.

– Вещица дорогая, мальчик захочет ее вернуть, – объяснила я Кадии. – Страховка на случай, если Дахху не найдет пакостника.

Потом я выскочила в коридор и бегом-бегом рванула к входной двери, за которой ждал таинственный господин Полынь из департамента Ловчих.

Если окажется, что он – плод моего воображения из-за недосыпа, я переубиваю всех в этом доме.

* * *

Нет, все-таки не плод.

Человек, сидевший на скамье возле крыльца, явно был настоящим. Моя фантазия на такое не способна!

Непроизвольно отшатнувшись, я дала обратного ходу: попробовала изобразить из себя свою кухарку, которая вышла на крылечко развеять скуку и окинуть хозяйским взглядом владения (она действительно так делала).

Обман не удался. Полынь – теперь язык не поворачивался назвать его господином – встал и деловито протянул мне руку. Пришлось ее пожать, сжигая мосты в такую привычную жизнь унылой социопатки.

– Рад познакомиться лично. – Глаза Полыни озорно блеснули при виде моей очевидной паники. Мои губы с усилием

дернулись в ответ.

Лохматый и костлявый, весь увешанный яркими бусами и амулетами, пришедший по мою душу человек был с ног до головы обмотан шелками, как иджикаянский священник.

Присмотревшись, я поняла, что это несколько огромных маек разной длины, почти ночных сорочек, надетых одна на другую и сползших по сторонам. Все ткани были красного цвета, но оттенок неуловимо менялся от алого к темно-бордовому. Дорогой костюм! И крайне эксцентричный.

Поверх этого архитектурного нагромождения блестел, переливаясь на солнышке, тяжелый медальон с механическими часами. Тик-так. Громкость устрашающая. У меня задержался глаз: подстраивался под удары секундной стрелки, бедняга.

Разноцветные ленты, перья и колокольчики украшали прическу мужчины – длинные темные волосы, сплетенные очень хитро. Шею обматывали нитки с навешенными на них волчьими клыками.

Помимо странного имени, у Полыни был широкий лягушачий рот и совершенно безумные глаза – огромные, воспаленные и такие черные, что непонятно, где заканчивается зрачок и начинается радужная оболочка.

М-да, красавчик! Не мужчина, а банши какая-то.

Неужели такие могут работать в ведомстве?

– И мне приятно познакомиться, – кивнула я, покрывив душой. – А вы позволите увидеть ваш значок? Для, хм, про-

формы?

Полынь усмехнулся и протянул мне бронзовый кругляш вполладони. Мои руки от волнения дрожали так, что он чуть не выпал.

Благородная патина затягивала шероховатую поверхность значка. На одной стороне был изображен герб Иноземного ведомства: полуразвернутый свиток с нарисованной на нем картой мира и роза ветров. На обратной стояла печатка департамента Ловчих, представлявшая собой голову ястреба в профиль. Глаз коварной птицы смотрел на меня очень злобно.

По кромке значка вились старинные руны: «Полынь из Дома Внемлющих, Ловчий».

– Похож на настоящий? – поинтересовался вышеозначенный.

По интонации было не вполне понятно, серьезно ли он спрашивает. Я недоверчиво воззрилась на чужака, он подмигнул и повернул левую ладонью вверх.

Предплечье Полыни густо покрывали переползающие одна на другую татуировки. Волшебную, ведомственную, между ними впихнули лишь чудом.

Я осторожно прикоснулась к изображению все того же ястреба. Иголочки холода острозубо впились в ладонь. Я отдернула пальцы.

Что ж. Все как полагается.

– А меня правда приняли на должность Ловчей? – спроси-

ла я. Сердце трепыхалось, будто воробышко после стомильного пролета.

– Правда, – твердо ответил Полынь. Так твердо, что ему сложно было не поверить.

Сердце сделало кульбит, воробыю неподвластный.

– То, что я не получила ташени... это проблема?

Полынь глянул на часы.

– Только если задержимся еще сильнее. Пора идти. И, да, раз уж формальности позади: ко мне можно обращаться на «ты» и без смущения задавать любые, даже самые глупые вопросы. Хорошо?

«Зачем бокки напали на мальчика? Что привело их к нам? Кто предложил мое назначение?». О, у меня были вопросы... Но не к Полыни.

Ему я лишь улыбнулась.

* * *

А нам с вами, думаю, пора побеседовать по душам. В подведение итогов утра, так сказать. Расставим все палочки в рунах и с чистой совестью двинемся дальше, ибо моя история закручивается, как морская раковина, и однажды времени на «ля-ля» не будет.

Меня зовут Тинави из Дома Страждущих. Дом Страждущих – один из семнадцати знатных родов Лесного королевства, но прах меня побери, если в нашем веке это кого-то

интересует.

Я живу в маленьком гордом коттедже в Мшистом квартале, люблю размышлять о вечном-бесконечном, играю в тринап и сносно говорю на трех языках. Я люблю туманы, книжки, запах речной воды. Люблю находить ответы на незаданные вопросы: одни называют это любознательностью, другие – хамством, а по мне так чистое веселье и эстафета наперегонки с мирозданием.

Хотя главное удовольствие в жизни мне приносят победы. Над собой, над судьбой, в меньшей степени – над окружающими.

Точнее, приносили. В прошедшем времени. Так как в плане побед этот год оказался на удивление паршивым.

В декабре мы с Дахху и Кадией закончили учебу, и, по закону подлости, одновременно с выпуском я потеряла способности к магии. Вообще. Напрочь. Это была моя ошибка, расскажу как-нибудь.

Теперь попросите меня разогреть вам яичницу без плиты – и я позорно скроюсь в соседней комнате под звуки отвлекающей мелодии.

И – да, сейчас я рассказываю это, как забавную байку – натренировалась. Но на самом деле мое сердце разбито до сих пор. Просто пережить это легче с гордо поднятой рюмкой самоиронии.

Правда, в плохие дни рюмка выпадает у меня из рук и разливается ядовитыми лужами самоуничтожения. Лучше не

приближаться!

Вы ведь знаете, как это бывает: ты долгое время надеешься стать, например, бегуном, а потом оказывается, что твои ноги на десять сантиметров короче нормы, сердце бьется едва-едва, легкие размером с кешью, и тело твоё физиологически не подходит для бега.

Так и у меня. Я всегда мечтала о жизни, полной магии и чудес, колдовских изысканий и заглядывания за звездную ширму вечности. А ещё о великолепной, вверх уносящей карьере.

Но *инцидент* поставил крест на этом. Вердикт не подлежал обжалованию: магия не вернется, обществу калеки не нужны.

Мне пришлось шустро смещать приоритеты, ведь мечтать о заведомо недостижимом не лучшая идея для самосохранения. Это разрушает изнутри, потому что изо дня в день ты понимаешь, что обречен на проигрыш.

Мне думалось, что я уже почти смирилась.

Но вот так штука: некий Полынь ведет меня в Иноземное ведомство на работу прямо сейчас. А я изо всех сил сжимаю зубы, чтобы моя челюсть не приземлилась на грудь от таких чудес.

Что ж...

Посмотрим, что за фокус приготовила судьба.

Иноземное ведомство

*Долой департамент Ходящих! Не дадим трусам
в масках лезть в наши жизни! Никому не позволено
шпионить за своими! Прочь, железнолицы!
Агитационная листовка двухлетней давности,
прибитая к забору на улице Сойкиного Пера*

В Шолохе самое удивительное то, насколько гармонично этот здоровый, бурлящий жизнью город растворяется в густом лесу.

Бывает, идешь себе, задумаешься мимоходом, а очнешься уже в чащобе. Дубравы захватывают власть профессионально. В некоторых местах это взаимопроникновение доходит до абсурда: городские мощеные дорожки минуют ряды обросших мхом каменных домов и внезапно, совершенно нелогично, обрываются между кустом, пнем и пригорком. А двести метров спустя появляются вновь, как ни в чем не бывало.

По дороге к центру мы с Польшей миновали несколько таких прогалин.

Шли молча. Я не знала, что сказать, а Ловчий отмахивался от вайтов – игривых духов воздуха, похожих на прозрачно-леденцовых светлячков.

Вайты увязались за нами еще на моем участке. Подрагивая от удовольствия, они назойливо звенели колокольчиками в волосах Полыни, перебирали амулеты на его груди, бренчали многочисленными оберегами.

Честное слово, я бы их уже пристукнула на его месте! Но он, наверное, привык, ведь вайты падки на все волшебное, а от Полыни разило магией так, что я буквально задыхалась от плотности энергетического поля. И немного от зависти...

Между тем мы вышли на набережную реки Арген – тут начинается центр, – и мир вокруг резко просветлел. Стало весело и звонко.

Горожане сновали вдоль мозаичной мостовой, щеголяли акцентами всех мастей. На воде покачивались лодки, чьи хозяева, разбирая снасти, громко подпевали уличным музыкантам. Примостившиеся рядом рыбаки косились на них отнюдь не добро. Ивы шелестели, низко склонясь над рекой, а дети играли зеркалами, посылая в прохожих солнечные зайчики.

Птицы орали, как ненормальные. Считается, что причиной тому зашкаливающий у них уровень счастья от пребывания в нашем благословенном краю. Хотя, признаться, иногда мне кажется, что они просто глуховаты и потому ведут свои разговоры на повышенных тонах: «Э-э-эй, ну как там твое новое гнездо, Барли?» – «Что говоришь, Селви, я не слышу?!» – «Гнездо, говорю, как гнездо?!» – «Селви, говори громче, на этой улице ужасно шумно!» – «Вы, идиоты,

заткнитесь оба, я тут птенцов кормить пытаюсь!»

Вайты, ошеломленные живостью улицы, что-то прожужжали и усвистели обратно в чащобу. Полынь хмыкнул им вслед и тотчас хищно повел носом: на набережную выкатилась кофейная телега.

Чарующий аромат буквально сшибал с ног, скрип колес казался пением сирен. Мы с Ловчим дружно уставились на источник блаженства.

Переглянулись.

– Выпьем на ходу, я возьму, – коротко кивнул Полынь и решительно пошел к телеге.

Я невольно улыбнулась. Кофейная проверка пройдена: значит, мы найдем общий язык!

– Тинави, ты когда-нибудь была в Иноземном ведомстве? – спросил Ловчий, вернувшись, и сделал большой глоток. Потом сразу же поморщился и буркнул заклинание – обжегся, значит.

Я помотала головой:

– Нет. Зато была в Военном, там работает моя лучшая подруга. – Я вспомнила тесные коридоры, горы оружия, грубоватых стражей и добавила: – Так себе местечко! Надеюсь, наше не воняет потом и не забито самовлюбленными мужланами?

Полынь хмыкнул:

– Ну, разве что в департаменте Указующих... Знаешь, кто это?

– Судя по названию, большие начальники?

– Они самые.

Я осторожно подула на слишком горячий кофе. Ловчий прищелкнул пальцами, и напиток мгновенно остыл до комфортного состояния. Лихо Полынь колдует! По любому пу-
стяку.

– Знай: всего в Иноземном ведомстве насчитывают пять департаментов, – дружелюбно продолжил куратор. – Во-первых, Ловчие. Это мы, занимаемся делами иноземцев внутри Шолоха. Потом Говоруны, то есть дипломаты. Указующие – мозги ведомства, на них внешнеполитическая стратегия. Ищейки – мастера на все руки. И Архив. Тоже мозги, но пассивные.

– Мы самые классные, да? – неловко попробовала пошутить я.

Полынь поддержал инициативу: прижал украшенный сразу тремя перстнями палец к губам и воровато оглянулся:

– Конечно. Только никому не говори.

Пройдя под аркой Тысячи Горгулий (на самом деле их только триста, Дахху как-то подсчитал), мы вынырнули в Верхнем Закатном Квартале – самом престижном районе Шолоха, месте скопления большинства министерств.

Впереди показалось Иноземное ведомство.

Это было тяжелое каменное здание, изобилующее шпилями и контрфорсами. Его оттеняли воздушная площадь и пестрая набережная по левому боку, заполненная людьми и

верандами. Вдалеке торчали фигурные контуры Казначейства и Ратуши.

Колокол Толстяк Бенджи на Ратуше пробил полдень, и тотчас госслужащие стайками потекли на обеденный перерыв.

Мы смело ринулись им наперерез.

– Значит, так, – инструктировал меня Полынь, пока мы проталкивались к высоким арочным дверям ведомства. – Утром другие новобранцы прошли вступительное тестирование, потом был перерыв, а через десять минут, – Полынь сверился со своими болтавшимися на цепочке часами. – ... Нет, уже через семь минут, будет лекция мастера Улиуса. Он возглавляет департамент Ловчих. Там ты и присоединишься к группе.

– У меня будут проблемы из-за пропущенных тестов? – Я испугалась.

– Что-нибудь придумаем, – успокоил Полынь.

Мы ввалились в ведомство, и я обомлела от открывшейся красоты.

Прохладный главный холл, как колодец, проходил сквозь все этажи здания. По мостикам, перекинутым на высоте второго, третьего и четвертого уровней, деловито сновали люди. С перил свисали тяжелые полотна гербов, вышитые серебром. В центре зала шумел фонтан, чья скульптурная группа символизировала семнадцать Домов Шолоха. Тут и там в специальных углублениях стояли величественные, в два че-

ловеческих роста, статуи знаменитых шолоховских чиновников.

Люди вокруг разговаривали тихо, зато активно шумели бумагами. Акустика – высший класс, шепоты и шорохи так и летали по всему зданию.

Я почувствовала себя крохотной и незначительной, но это ощущение до странности успокаивало...

Полынь указал мне на регистрационную стойку, а сам скрылся в неизвестном направлении.

– Дела, – пояснил он и заскользил, дребезжа браслетами и костяшками, прочь.

Я же потопала в сторону высокомерной секретарши. Гордо и одиноко, шелестя слишком длинным платьем. Регистраторше, кажется, вовсе не понравилось мое появление, но она все же натянула дежурную улыбку. Вполне даже милую. Молодец! Нет, правда, люди, умеющие поставить вежливость выше личных сомнений – вы невероятно хороши. От имени всех человеческих несуразностей говорю вам большое спасибо.

– Третий этаж, восточная лестница, – сообщила дама. Вокруг нее, чирикая, по кругу летали разноцветные письма-ташени, требующие внимания. Секретарша наугад схватила одну и технично ее вскрыла.

Найдя нужный кабинет, я выдохнула, мысленно пожелала себе удачи и постучалась.

– Войдите! – Голос по ту сторону дверей был низким, раскатистым и рычащим, как у медведя. «О-оу», – подумала я и с опаской зашла.

В центре комнаты стоял, уперев руки в бока, высокий полный человек в оранжевом облачении. Цвет его костюма по-своему гармонировал с соломенной бородой и такими же желтыми волосами. Мужчина хмурился, но его лицо – очень морщинистое, с широким лбом и бугристым носом, – казалось добрым.

– Здравствуйте, мастер Улиус, – храбро заблеяла я. – Меня зовут Тинави из Дома Страждущих. Простите за опоздание.

– Ах вот ты где, явилась не запылилась! – пробасил Улиус, затейливо двигая кустистыми бровями. – Ну, на мою лекцию ты вовремя, никаких претензий. Не всяк умирает, кто хворает. Присаживайся, – он приглашающим жестом указал мне на амфитеатр, занимающий половину кабинета.

Там с десяток человек уже сидели в глубоких кожаных креслах, заменяющих скамьи. Я осторожно опустилась в одно из них. При желании, в кресле уместилось бы еще штуки три моих несуществующих сестер-близняшек. Вот уж прав-

ду говорят: все начальники делают кабинеты под себя.

Если честно, я до последнего думала, что, увидев меня, Улиус расхохочется во все свое богатырское горло и заявит: «Ну ты и дурочка, повелась! А ну быстро в тюрьму за насилие над малолетними!» Но нет.

Тогда продолжаем действовать по плану Кадии: молчим, слушаем, ждем.

В дальнем углу кабинета за столом ссутулилась женщина, не замеченная мной вначале. Она тихонько кашлянула, встала и обратилась к главе Ловчих:

– Все на месте. Можете начинать. – Голос у нее был такой же бесцветный, как и лицо.

– Спасибо, Селия, – кивнул шеф.

Затем мастер Улиус прочистил горло (от вибрации со стен посыпалась штукатурка), хрустнул пальцами (сидевший на карнизе голубь в ужасе закрыл голову крыльями) и торжественно начал:

– Итак! Мои поздравления. Сегодня вы вступаете в ряды департамента Ловчих. Его возглавляю я. Что мы делаем, спросите вы? А мы расследуем преступления, связанные с чужеземцами и представителями иных рас. И еще занимаемся превентивной деятельностью. Как я говорю, лучше болезнь предотвратить, чем потом лечить. Первые полгода в ведомстве – испытательный срок. Вы будете работать под началом своих кураторов, помогая им в текущей деятельности, и я от души рекомендую вам поднапрячься...

Выступление мастера Улиуса длилось очень долго. По большей части оно состояло из перечисления задач департамента, цитат из всевозможных кодексов, выдержек из трудового договора.

Я честно старалась не упустить ни слова, но мысли скакали вокруг одной и той же темы: как? Как я здесь оказалась? За какие качества меня приняли? Бывает ли такое наяву?

– Не спите, Тинави, – сухо бросила мне подошедшая Селия и подсунула очередной документ на подпись. Я вздрогнула.

– Да я не сплю... – крайне неуверенно протянула я, но помощница шефа уже шла к другим новичкам.

Она хромала. Ходила, опираясь на крупную деревянную трость с набалдашником в виде мыши. «Мышиная тема» прослеживалась во всем ее облике: круглые очки в серой оправе, подвижный острый носик, туго затянутый пучок, блеклый шерстяной костюм.

– Все ясно? – закончил лекцию мастер Улиус.

– Да, сэр! – встрепenuвшись, нестройным хором ответили мы, новички.

– В таком случае... Кураторы! – рявкнул шеф, и тут же, как по волшебству, из-за приоткрытой двери появилось несколько действующих сотрудников. – А ну-ка выдайте малышам все необходимое и отправьте их на экскурсию! Рассказать хорошо, а лучше глазами проверить!

После чего нас расхватили, как персики на рынке, и чуть

ли не под локоток вывели из начальственного кабинета. Со мной в паре, как и следовало ожидать, был Полынь.

Сначала мы пошли в подвальную кузницу за значком.

– Поздравляю, детка, – прогундосил там насупленный гном-равнинник и, исчезнув за конторкой, долго рылся в ящиках. Поиски у него шли туго, но весело. В воздух над столешницей все взлетали какие-то железки, отвергнутые кузнецом. Я переживала, что одна из них, приземляясь, стукнет гнома по кумполу. Обошлось.

– От души поздравляю, тем паче с куратором. Небось взво-о-о-еешь скоро! – хохотнул гном и наконец-то вынырнул обратно.

Полынь неопределенно пожал плечом в ответ на эту ремарку.

Гном ловко выгравировал мое имя, а потом, сопя от усердия, раз двести протер значок издававшей виды тряпочкой – то ли носовым платком, то ли бывшим носком.

Еще один час и один кабинет спустя на моем предплечье красовалась татуировка Ловчей.

Технически это были даже две татуировки, повторяющие значок: аверс и реверс, два кружочка один над другим. Карту так и хотелось развернуть, а птице – взъерошить перья. Я вертела руку так и эдак, но глаз ястреба из любого положения смотрел прямо на меня – внимательно и предостерегающе.

Не знаю, кому как, но мне боль, как ничто другое, придает ощущение реальности. Нет. Это все-таки не сон: ночная

дрема не исполосовала бы мою руку красочными чернилами.

Уже когда мы вышли обратно в главный холл ведомства, Полюнь вручил мне небольшой широкий кинжал.

– Обычно Ловчие работают головой. Но иногда нужно постоять за себя, – предупредил он.

– Таким ножичком разве что курицу разделаешь, – фыркнула я, взвесив оружие на ладони.

– Это магический кинжал, заряжен молниями. Даже маленькая царапина отправит противника в нокаут, – объяснил куратор как ни в чем не бывало.

У меня отвисла челюсть.

Магические кинжалы используют колдовскую энергию человека. Я при всем желании не смогу применить это оружие.

Прах побери. Значит, они все-таки *не знают?*.. Никаких социальных программ для не-магов? Все-таки ошибка? Но... Я же...

Сердце заколотилось.

Предательский кинжал переливался в разноцветных лучах главного холла. Солнечный свет проникал сквозь огромное витражное окно высотой метров двадцать, которое кружевом затянуло дальнюю стену ведомства. Совсем сказочный, лилово-желтый луч света соскользнул с мраморных медальонов мне на нос, так ребячливо и доверчиво, будто я уже «своя».

– Ах, вот оно что, понятно, – я заулыбалась Полюни по-

спешно и фальшиво. И лихорадочно пристегнула ножны к поясу платья.

Куратор не обратил внимания на мой внезапно охрипший голос.

Я еще раз посмотрела на новенькую татуировку.

«Лгунья, – читалось в глазах ястреба. – Лгунья».

* * *

Полынь оставил меня возле группы «мальков», отиравшихся у центрального фонтана.

Новички возбужденно гудели, спешно перекидывали мостики дружбы – всюду, где могли дотянуться. Особенно усердствовали двое темноволосых, остроносых близнецов. Чем-то похожие на муравьедов, они ни на секунду не оставались в покое, все время к чему-то принюхиваясь, гримасничая и перешептываясь.

Не успела я ответить кривоватой улыбкой на улыбки, прыгающие вокруг болотными огоньками, как подошла Селия и повела нас на экскурсию по ведомству.

Несмотря на сильную хромоту, ассистентка шефа двигалась очень быстро, хотя и забирала, по-паучьи, вбок. Наша группа едва за ней поспевала.

Мы ходили по зданию добрых два часа. Изучали каждый раздел ведомства. Много раз мы останавливались, чтобы тихонько понаблюдать за работой сотрудников.

Одна такая пауза возникла в тренировочном крыле, где в огромных пустых помещениях, эдаких стеклянных кубах, практиковали магию. Мужчины и женщины в мягкой одежде оттачивали сложные заклинания, долго отдыхая после этого на устилающих пол матах.

– Но ведь мы уже были здесь сегодня утром, когда сдавали тесты, – недовольно прокомментировала одна из новеньких Ловчих – бледная девушка с родинкой-сердечком на шее.

Селия строго ответила:

– Кое-кто присоединился к нам позже, – на этих словах она бросила на меня суровый взгляд.

Злые мурашки с топотом пробежали по моей спине.

– А, так это ты прогулявшая? – «Родинка» повернулась ко мне. – Ну, даешь!

– Моя ташени разбилась, не долетев. – Я пожала плечами как можно небрежнее. – Хотя это, конечно, меня не оправдывает.

– Это не ваша вина, – сказала Селия так категорично, будто подразумевала обратное. Она поправила очки и добавила: – Донести до вас информацию о том, что вас приняли, – работа ваших кураторов. К сожалению, господин Полынь отнесся к этому по-дилетантски легкомысленно.

– Полынь из Дома Внемлющих? – встрепнулся другой новичок, красивый парень с кожей цвета шоколада. – Я слышал, что он лучший Ловчий ведомства. Его наградят генеральством, если он разберется с Тем Самым Делом, да?

Селия недовольно поджала губы и будто бы стала сильнее цокать тростью об пол:

– От кого это вы слышали?

– У меня сестра тут работает, – простодушно объяснил малек. – Она по Полюни просто тащится.

Чернявые близнецы захихикали.

– Несмотря на то что сбор слухов и сплетен – важная составляющая работы Ловчих, я советую воздержаться от подобного внутри департамента, – почти выплюнула Селия и указала тростью в мою сторону: – А вы, Тинави, сдадите тесты завтра.

Паника захлестнула меня. Бедолага-мозг включил в голове обратный отсчет до позора, лицо продолжало улыбаться...

Ох, и зачем я саму себя загоняю в ловушку!

* * *

Наша экскурсия закончилась у огромного гобелена, изображающего «государственное древо» Лесного королевства. Селия перехватила трость на манер указки и сухо оттарабанила справку о политическом устройстве страны. Ее никто не слушал (глупая формальность, информация для детей), и Селия это знала.

Я разглядывала гобелен.

В центре полотна был вышит герб Шолоха – коронован-

ное древо, на котором вместо листьев растут белые цветы. Под корнями дерева, стоящего на холме, располагался ограненный бриллиант с шестью искрами – намек на славных предков нашего королевства, которые дружили с шестью богами-хранителями и чьи магические останки сегодня покоятся под курганом дворцового острова.

Вокруг, как на циферблате, располагались гербы девяти органов государственной власти. На маковке сиял герб Иноземного ведомства, конечно же. По бокам от него – Башня магов и Военное ведомство.

Еще было Лесное ведомство – самое крупное в Шолохе. У него модный герб, выполненный популярным столичным художником: черный контур знаменитых черепичных крыш, внизу ажурный парапет набережной и речные воды, а сверху, вместо неба, – плотные кроны деревьев. Что весьма точно отражает реальное положение дел в Шолохе.

Внизу гобелена теснились остальные госучреждения: Торговая палата, Правое ведомство, Ратуша, Академия и королевский Двор. Слева от последнего ярким тоном выделялась зеленая заплатка... Я догадалась, что там было раньше.

Герб Теневого департамента – самого таинственного и пугающего министерства.

Сотрудников-теневиков называют Ходящими, они занимаются внутренней разведкой. Все эти мрачные вещи вроде допросов, пыток, узких застенков и казней без суда и следствия – все к ним. Ходящие носят глухие мантии и золотые

маски, и, если видишь такого, – побереги себя, не приближайся.

Два года назад король попытался реформировать Теневой департамент: внешнеполитическая обстановка казалось стабильной, да и внутри государства все было тихо. Но Ходящие взбесились оттого, что его величество «сунул к ним нос». Произошел кровавый бунт...

Король победил. Реформа состоялась. Теперь в Шолохе лишь дюжина железнолицых (как их уничижительно называют горожане). И то – на роли личных подчиненных его величества.

Впрочем, я все равно от души не советую нарываться. Их право на убийство никто не отменял.

– Что ж, наша экскурсия закончена, – объявила Селия. – Ждем вас завтра в девять утра. Будьте готовы: работы полно, а рук мало.

* * *

Я собиралась выйти из ведомства, когда путь мне перегородила влетевшая в стрельчатое окно алая ташени. Бумажная птичка, вереща, врезалась мне в грудь, после чего обессиленно упала.

Я подняла ее, осторожно оглянувшись: никто не заметил странной реакции волшебного предмета на прикосновение ко мне? Обычно ташени не обмякают в руках адресата, а,

напротив, мило чирикают.

Алый – это цвет Дахху. А Дахху должен был найти потерявшегося мальчика, жертву бокки. Так что новости от него – это важно.

«Воздушная гавань. Ждем», – гласила записка.

Очень содержательно, спасибо, друзья. То, что надо изго-
лодавшемуся по информации человеку!

Я запахнула плащ-летьягу и вышла на улицу.

Трудности амнезии

Два самых дорогих района Шолоха – это Верхний и Нижний Закатный Кварталы. Верхний квартал, также именуемый Королевской милей, отдан госучреждениям. В Нижнем квартале располагаются поместья семнадцати знатных Домов.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся, черновик первый

Хозяева «Воздушной гавани» удивились бы, узнай они, что мы с Кадией и Дахху считаем их ресторан нашим «штабом».

Тем не менее так оно и было.

В откровенно туристической «Воздушной гавани» мы обсуждали великие планы по захвату мира, тосковали о несбывшемся и банально сплетничали.

Мы регулярно жаловались на то, что «Гавань» нам надоела, еда тут шлак, сидеть на крыше холодно, цены задраны, и, вообще, пора бы найти «штаб» поуютнее, но... Сложно было решиться на предательство.

Ведь именно в «Воздушную гавань» мы пришли в наше первое утро в Шолохе после окончания учебы. Семь лет жизни в Смаховом лесу, под крылом наставника, и вдруг – воз-

вращение в большой город. На родину, но позабытую. Казалось, совсем чужую.

«Гавань» стала для нас первым заново обретенным местом в столице. И мы прикипели к ресторанчику всем сердцем, сколь бы скверным он ни был. Я считаю, легко отделались. Другие так привязываются к людям.

Выпустились мы в начале зимы.

Кадия и я, прощаясь с магистром Орлином, рыдали взахлеб. Старому мастеру даже пришлось отобрать у нас только что врученные дипломы, потому что иначе они бы утонули в слезах и соплях. Дахху переминался рядышком и тоже заметно грустил.

Забавно – мы ведь так ждали конца учебы! С придыханием считали дни до «взрослой» жизни.

Но, когда дверь в хижину Орлина захлопнулась, только у Кадии все сложилось, как надо.

Подруга убрала диплом в тумбочку, переделалась в военную форму и бодрым шагом отправилась на службу. Кад не разменивалась на сомнения, не мялась на пороге: «А стоит ли?» У нее механизмы в голове вообще как-то лучше работают, чем у большинства. Если Кад чего-то хочет, она идет и пробует. Если ее обижают – мигом выбрасывает эту чепуху из головы (предварительно врезав обидчику как следует). Если ей страшно, она говорит «Что-то мне боязно, ух!», и все равно делает намеченное, пусть и покрывшись мурашками.

А вот мы с Дахху влипли. Я – потому что потеряла магию,

напутав кое-что в алхимической лаборатории отца.

Дахху – потому что ждал другого. Он думал, финал учебы означает торжество твоего ума и сладкую дрожь в коленях, когда ты видишь, как огромен внешний мир. Сколько у тебя возможностей. Перспектив.

Но оказалось, что это сложный труд: из раза в раз выбирать правильную дорогу. Каждый день сосредотачиваться и выбирать, не расслабляясь.

Потому что начать заново не получится. Правила не позволяют.

«Меня как будто выкинули в Шепчущее море, – вздыхал Дахху, – на крохотном плоту. Сказали: дерзай! И, одобрительно улыбаясь, растворились в прозрачном синем воздухе. И вот я совсем один, и уже, если честно, плевать на свободу. Просто хочется знать направление. Быть уверенным в том, куда я плыву. Чтобы трое суток спустя, когда я начну умирать от жажды, те же самые лица не спросили разочарованно, за каким прахом я так упорно гребу прочь от земли блаженных».

В итоге неприкаянный Дахху поступил на второе высшее в Лазарет. Быть вечным студентом очень удобно. Это позволяет отложить настоящий выбор на туманное «потом».

Грустно, ибо всем, кроме самого Дахху, очевидно, в чем его судьба.

Он – прирожденный ученый. Такой, знаете, настырный теоретик, который может годами докапываться до истины в

каком-нибудь Чрезвычайно Важном Вопросе типа: «Пользовались ли мотыгой народы Северной пустоши в IV–V веках?». ».

Дахху давно мечтает написать «Доронах» – энциклопедию о Лесном королевстве, в которой он раскроет всю суть нашей истории и культуры. Но друг слишком боится провала, поэтому исследование все еще в проекте.

Компенсируя, Дахху доходит до самой сути в других, отнюдь не столь полезных вещах.

Так, когда я поднялась в «Воздушную гавань», он по десятому разу читал меню. Изучал его так внимательно, будто надеялся найти секреты древних магов между строк. Или хотя бы какое-то новое, еще не опробованное нами блюдо – что тоже вряд ли.

Первой меня заметила Кадия:

– Кого я вижу, хей-хей! – Подруга помахала из соломенного кресла, стоявшего у самого парапета. Улыбка стражницы, обнажающая и верхние, и нижние зубы, была настолько широкой, что не умещалась на лице.

Я выжидающе уставилась на ребят:

– Ну, порауйте старушку Тинави! Что там с мальчиком? Дахху развел руками:

– Никто не знает. У парня амнезия, – и друг рассказал все по порядку.

Утром, догнав беглеца, Дахху замешкался, ведь за ночь мы успели выстроить непростые отношения с подростком.

Спасли его, но потом связали (страшно сказать – розовыми простынями...). Причем о спасении мальчик не знал – был в обмороке. Зато простыни прочувствовал по полной программе.

Незнакомец заговорил с Дахху первым: дрожащим голосом поинтересовался, что случилось. Как выяснилось, он не помнил ровным счетом ничего: зачем гулял в полночь? Где живет? Даже собственное имя вызывало у подростка глубочайшие сомнения. Потом он утвердился в мысли, что его зовут Карл.

Дахху вместе с мальчиком отправился в Лазарет. Там друг активно размахивал лекарским амулетом, поэтому их без очереди пропустили к старшему знахарю курса. Тот провел осмотр по высшему разряду, применил новомодные «просвечивающие» заклинания (я даже не хочу знать, что это) и вынес вердикт: мальчик здоров. Но беспамятен.

Ночную историю лекарь узнал без мистических подробностей (дескать, наткнулись на парня на обочине) и без вопросов выделил для Карла койку в палате.

– И что теперь? – спросила я.

– Будем восстанавливать его память. – Дахху пожал плечами. – Пока ясно одно: Карл не из Шолоха. Мы нашли слабые следы воспоминаний, по которым видно: не наши названия, не наша еда, необычная одежда... Он явно чужестранец. Только непонятно, его семья переехала сюда жить или просто путешествует?

– Еще есть вариант, что он сбежал из дома. – Кадия со значением подняла указательный палец. – Тогда, конечно, огонь!

Я вздохнула:

– Думаешь, очередной искатель долголетия?

– Конечно. Юный и отчаянный. Розовощекий и розово-простынный. Верящий в свою звезду, но получивший звездолей. Кумир бокки и, кажется, лучшая подружка нашего Дахху?

Дахху в ответ смерил Кадия таким взглядом, будто был из Дома Убивающих Одной Мыслью, а не из Дома Смеющихся. У меня аж сердце сочувственно екнуло. Но подруга лишь комично подняла ладони, мол, сдаюсь-сдаюсь. Все-то ей ни-почем.

Теория о том, что Карл отправился на поиски долголетия, казалась логичной. В Шолохе мы живем по полторы-две сотни лет вместо положенной одной. Тайна кроется в могущественных косточках дворцового кургана.

Дело в том, что наши предки были очень серьезными ребятами – прямыми учениками шестерых богов-хранителей. Даже мертвые, они умудряются влиять на жизнь королевства.

Так, от их останков исходят магические эманации, благодаря которым в Шолохе колдовать легче, чем где бы то ни было еще. Особенно это чувствуется на территории дворца. Там всякий первокурсник мнит себя всесильным: хохочет от

доступности магии, творит глупости – стражи едва успевают отлавливать.

Кроме того, курган привлекает волшебных существ и потусторонних сущностей – не всегда добрых, правда, – которые живут с нами по соседству и привносят в быт города изюминку.

И, наконец, косточки подарили нам уже упомянутую небывалую продолжительность жизни. Приятный бонус, который сыграл свою роль в становлении департамента Ловчих: люди со всего мира стремятся переехать в Шолох, надеясь жить долго-долго и почти не стареть. Увы, магия кургана работает только на коренных шолоховцев. Но никто, конечно, не верит. Поэтому чужаков у нас завалились. Заодно и преступлений, с ними связанных. Куда без этого!

– Слушай, а что там с Иноземным ведомством? – спохватился Дахху.

Я с гордостью выложила на стол свой новоявленный значок. Ребята дружно выгнули брови коромыслом.

Кадия прыснула:

– То есть они приняли тебя, несмотря на вечернее платье? – И, подмигнув, она прихлебнула чай из тонкой фарфоровой чашечки. Вот зараза! Сама ведь убедила меня в многофункциональности наряда.

Я в подробностях рассказала свой день. Когда я закончила, за столом воцарилось гнетущее молчание: Дахху и Кадия отнюдь не собирались меня чествовать. Наоборот, они с со-

мнением переглянулись.

Солнце скрылось за неведомо откуда взявшейся тучей, панораму города залило синей краской. Резко похолодало, как это бывает в переменчивые весенние месяцы.

– М-м-м, Тинави, душка, так вы не обсудили твою... особенность? – неуверенно протянула Кадия.

Говоря это, подруга смотрела куда-то вбок и чесала нос указательным пальцем. Она всегда так делает, когда нервничает.

– Еще нет. – Я беззаботно улыбнулась, хотя сама полдня психовала из-за этого.

– Не лучше ли сразу прояснить ситуацию? – тактично поинтересовался Дахху.

– Чтобы они развернули меня с порога?

– Но ты понимаешь, что последствия могут быть самыми неприятными?

– Дахху, вы же сами советовали пойти и все разузнать!

– Разузнать, а не врать.

– Я не врал.

Смеющийся откинулся на спинку стула, спрятал ладони в длинные рукава кашемирового свитера и нахмурился. Толстый шмель подлетел к нашему столику, но, почуяв неладное, в резком вираже развернулся.

Я продолжила:

– Просто там, в холле, под всеми этими потоками витражного света, в буйстве шорохов и шепотов я... Я впервые за

полгода почувствовала себя живой. У меня не хватило духа закончить все так сразу.

Друг наморщил высокий лоб:

– И ты даже не выяснила, кто подал твое заявление?

– Нет. А как бы я спросила? Извиняйте, дамы и господа Ловчие, я что-то не понимаю, какой простофиля умудрился меня, калеку, к вам пристроить. Явно не рекрутер. Дайте гляну, интересно же. Да, все верно, колдовать я не умею, я в этом деле овощ, огурцу конкуренцию не составлю. Но зарплату хочу, как у всех, и еще отдельный кабинет, пожалуйста! Так, что ли? – Я почувствовала, что начинаю говорить громче, чем следовало.

Пожилая пара за соседним столиком, дружно оттопырившая мизинцы в процессе питья чая, недовольно закудаhtала.

А Кадия вдруг по-военному рывкнула:

– Прах побери, Тинави! Кто-то распоряжается твоей личностью, как считает нужным, и зачем-то пропихивает тебя на госслужбу. Ты вообще задумывалась, зачем? Может, тебя в шпионы завербовать хотят? Посадят на крючок, и до свидания. И все это еще и утром после встречи с бокки! Это наверняка чей-то план, ни разу не добрый!

Я с шумом втянула воздух:

– Чей план, Кадия?! Это твоя жизнь полна интриг и шантажа, что в корпусе Стражей, что в родовом гнезде Мчащихся. Моя не такая. Козни против меня может строить максимум моя кухарка, которую бесит, что я ем печенье в крова-

ти. Если кому-то хватило сил и желания вписать меня в свой неведомый план – да я только за, спасибо за высокую оценку! Хоть кто-то видит во мне что-то полезное! Ты вообще задумывалась о том, каково мне живется?

– Перестань приbedняться! – Кадия врезала кулаком по столу. Стол задрожал, чашка всхлипнула и описалась чаем. – Ну не повезло тебе, ну бывает!

– «Бывает»!.. – горько передразнила я. – Да нет ничего хуже, чем осознавать, что из-за пепловой случайности, когда даже обвинить некого, кроме самой себя, все твоё потенциально светлое будущее накрылось медным тазом. Если в ведомстве – пусть и обманом – у меня будет шанс поменять мою жизнь, я его не упущу. А вы могли бы меня и поддержать! Кадия, ты же сама хотела, чтобы я боролась – вот я и борюсь!

– Что за игрища со смыслами?! Да я тебя сейчас стукну! – возмущенно выдохнула Кад и слегка привстала. Но, поймав мой болезненно-сухой взгляд, мигом присмирела.

Я отвернулась, изобразив, что люблюсь видом...

Под «Воздушной гаванью» бурлила жизнь на набережной реки Нейрис, просматривались извилистые улочки и тенистые бульвары Верхнего и Нижнего Закатных Кварталов. Остальное пряталось под покровом леса. Только вдалеке над ровными рядами елок торчала завивающаяся спиралью Башня магов. На фоне солнце она казалась темнее, чем есть.

Дахху деликатно кашлянул, привлекая мое внимание.

– Тинави, – сказал он. Мягко, очень мягко. – Мы всегда на твоей стороне. Но ситуация с ведомством – странная, признай. Если все окажется нормально – хорошо. Но постарайся выяснить, что происходит.

– Ладно, – пробормотала я.

Кадия мигом расслабилась, поняв, что кризис миновал и я не собираюсь рыдать посреди ресторана – это в ее представлении худшее, что может случиться с человеком. Подруга кивнула на мою левую руку:

– Ты, кстати, носи одежду с длинным рукавом. А то ведь заметят, супостаты.

И действительно. Татуировка Ловчей, нанесенная в ведомстве, так и не замерцала волшебным светом, признаком подлинности. Сразу после процедуры Полынь сказал, что на это может потребоваться несколько часов. Я подозревала, что все не так просто, но промолчала.

Равно как и магическое оружие, со мной не хочет иметь дело никакой волшебный инвентарь, питающийся энергией владельца. А таких девяносто процентов. Вокруг моего тела как будто царит зона отчуждения.

Чтобы прикрыть руки, я надела плащ, хотя на улице было слишком жарко для подобного наряда. Мы еще немного посидели. Вечер окутал столицу прозрачной вуалью. Лучи заходящего солнца окрасили облака в розовые тона, черные стаи птиц диагоналями расчерчивали небо.

– Пойду домой. – Я вздохнула. – Глаза слипаются.

– Заглядывай завтра в Лазарет, – пригласил Дахху. – По-знакомлю тебя с Карлом.

– Обязательно. Неужели он совсем не помнит про бокки?

– Совсем. Возможно, это шоковое.

– Или гаденыш пудрит нам мозги, а сам вынашивает планы мести.

– О, теперь и ты начинаешь видеть во всем заговор! – Кадия добродушно хохотнула. – Иди-ка ты баиньки, душа моя.

Я попрощалась с друзьями и послушно отправилась домой.

* * *

Там меня ждал сюрприз в лице Селии, помощницы мастера Улиуса.

Она стояла, облокотившись о мой забор, и заполняла какие-то бумаги. Селия зажала трость под мышкой. Поза была расслабленной и привычной: судя по всему, она давно ходит с палкой.

Мне резко захотелось развернуться и пойти куда угодно еще, чтобы избежать разговора. Но Селия меня уже увидела.

– Тинави. – Она кивнула. – Я рассчитывала встретить вас здесь.

– Что-то случилось? – сипло выдавила я, не ожидая ничего хорошего.

– Я просто хотела уточнить еще раз: вас распределили к

господину Полюни на стажировку?

– Ну да, – подтвердила я.

– Вы с ним были знакомы прежде?

– Нет...

– Отлично. – Селия достала из кармана брюк визитку и вложила мне в руку. – Вы будьте внимательнее на службе, Тинави. Ловчий – непростая профессия. Нужно хорошенько разбираться в людях. И не бояться превентивных мер.

– В смысле? – Я замерла, разглядывая серебристый бархат карточки.

– Это мой адрес, – снисходительно пояснила женщина. – На случай, если вас кто-то обидит. – Она тонко улыбнулась, попрощалась и быстро захромала прочь.

Я проводила ее растерянным взглядом.

5

Магия, прощай

*Не смотри на прошлое с тоской!
Было и ушло, нынче его нет.
Лучше поутру проснись и пой,
Жить сегодня – в этом весь секрет.*

Девиз шолоховской гильдии трубадуров

Когда я оказалась дома, вся моя сонливость улетучилась, как окись балаган-травы. Вечный парадокс: нет ничего желаннее сна поутру, и ничего скучнее – ночью.

Следы вчерашней вечеринки придавали комнате неряшливый вид. Всюду были разбросаны разноцветные подушки, из шкафа вывалилась одежда (сама вывалилась, ага).

Я занялась уборкой. И заодно мысленно перебрала детали нашей встречи с бокки. Все-таки приятно, что мы так близко познакомились с одной из чудинок Шолоха...

Ведь бокки – таинственные существа.

В детстве я обожала сказки про них. Помню, книжки четко делились на две категории. В первой рассказывалось, что призрачные егеря, посланцы богов, сторожат наши сны в самые мрачные ночи – это был вариант для малышей. Им поди объясни иначе, почему дважды в месяц за окнами блуждают

призраки, чьи плащи, будто щупальца, шевелятся у земли!

Другая категория – легенды для детей постарше. Эти истории были одобрены департаментом образования и рекомендовались к прочтению в дидактических целях. Там описывались смелые, но непослушные ребята, выходившие к бокки-с-фонарями и никогда больше не видевшие белого света, так как духи утаскивали их в царство теней. Напрашивается вывод: то ли мы с Дахху с Кадией не прошли в это царство по возрастному цензу, то ли сказки все-таки врут. А вот мальчик... Может, мы спасли его от подобной участи? И бокки-с-фонарями не угомонятся, пока не вернут себе намеченную жертву?

Луна уже пошла на убыль, и, значит, лесные духи не появятся в Шолохе еще пару недель. Но вдруг?..

Я подошла к окну и с опаской выглянула. Все честно: бокки не было. Сад тонул в прохладной темноте.

Наверное, со стороны мой коттедж казался светящимся рыбацким судном в безбрежном океане леса. Огни в остальных домах Мшистого квартала уже погасли – соседи спали, убаюканные свежестью весенней ночи. Лишь пел соловей.

Спальня мерцала в зеленоватом свете двух аквариумов с травой осомой. Мебель таяла в сумраке по углам. Кружась с веником по комнате, я чувствовала себя ундиной в полном водопаде. Минуту спустя – феей, манящей путника в заколдованный круг. Или нет. Жрецом, который готовит пещеру к кровавому ритуалу... Для полноты картины остава-

лось только начать что-нибудь петь на придуманном языке.

На древнем не рекомендую! Однажды я умудрилась вызвать духа гор своим якобы безобидным детским лепетом – случайно поставила слова в таком порядке, что получилось заклинание. Ох, как папа бесился, когда Смотрящие выкачали ему штраф за нарушение порядка! Но и гордился: колдунья растет.

Впрочем, теперь подобная оплошность мне не грозит.

Я сердито отбросила веник, переоделась в пижаму и легла в кровать.

Повернулась так и эдак. Встала, открыла окно. Выключила ночник. Заплела волосы в косичку. Сон не шел. Включила ночник.

– Ух-ху... – кисло прокомментировал Марах. Филин был в курсе моих бессонниц. И, как ни странно, их не одобрял.

Мысли беспокойно вертелись вокруг работы в департаменте Ловчих.

В Иноземном ведомстве не знают, что у меня нет магии. Если бы знали – точно завели бы на эту тему разговор. А так все ходят с лицами шито-крыто, и – да, дело пахнет жареным. Рано или поздно они выяснят правду, и тогда мне не поздоровится.

Воспоминания неминуемо соскользнули в омут того проклятого июньского дня.

Я со стоном закрыла лицо руками. В глазах защипало – как всегда, когда речь идет об инциденте. Иногда мне кажется,

ся, что эта плаксивость – главная причина того, что мои родители согласились на переезд в далекую Тилирию.

Они не могли меня больше видеть. Я ведь раскисаю очень быстро. А у моих ближайших и дражайших сердца разрываются от такой картины. Особенно у папы.

Это в его лаборатории случился взрыв.

Надо сказать, что меня с детства завораживал подвал нашего дома. Мой отец – его зовут Инри – алхимик, за которого дерутся королевские дворы всего мира. Но пока я была ребенком, он брал контракты только в Шолохе.

На семейных встречах запрещалось обсуждать работу – мама считала, что так мы сохраним «нормальный климат» в доме. Как следствие, папины склянки манили нас с сестрой куда больше, чем могли бы.

Мы фантазировали, что он разрабатывает самый сложный эликсир, который даст человеку божественную силу и наконец-то сделает левитацию возможной. Когда отец уединялся в своей подвальной лаборатории, мы все норовили подглядеть. Но мама отлавливала нас на полпути и оттаскивала прочь, лупя мокрым полотенцем.

И вот годы спустя Дахху, Кадия и я получили дипломы и, как все нормальные выпускники, отправились кутить.

Я плохо помню ту ночь. Мелькают какие-то разрозненные картинки: Кадия, голышом прыгающая в Нейрис со скалы; наш тяжелый топот и мои разрывающиеся легкие при побеге от стражей; Дахху, клянушийся, что теперь-то начнется

настоящая жизнь. Теперь нас, подруга, никто не остановит. Мы свободнее самих богов-хранителей!

Мы были пьяны и счастливы. На рассвете я стояла посередине Лоскутной площади, той, что напротив департамента Ходящих, и бесстрашно кричала охраняющим вход химерам, что сочиню заклинание, которое отпустит их на все четыре стороны с этого грустного поста. Кадия ржала, как конь, и все пыталась не уронить саму себя с высоты каблуков. Дахху мечтательно пялился в никуда, как у него это принято.

Утром я кое-как добралась до родительского дома. Найдя ключи и открыв дверь, я поняла, что там никого нет. Родители уже были на службе, сестра – в Академии.

«Лаборатория!» – подумала я с ликованием и почти кубарем скатилась в подвал.

Заветные скляночки, реторты, порошки и ступки, казалось, приветливо улыбались мне. Я благоговейно читала названия на этикетках, легонько потряхивала туманные капсулки, растирала между пальцев трехглавые мхи и, казалось, была счастливее, чем когда-либо. А потом обнаружила, что потолок лаборатории разрисован картой звездного неба. Это было восхитительно.

Я пялилась на него так долго, что у меня заболела шея. Тогда я решила добавить еще красок своему восторгу. А именно: начала крутиться вокруг своей оси, представляя, что я в самом сердце вселенной, медленно вращающейся вокруг меня.

Как оказалось, мой вестибулярный аппарат никуда не годится.

В какой-то момент меня занесло, я споткнулась и, размахивая руками, будто ветряная мельница, рухнула вниз и вбок. Прямо на маленькую этажерку багряного цвета.

В ней, как выяснилось на практике, хранились пороховые элементы и пороховый огонь. Мой папа не слишком-то соблюдал принцип товарного соседства...

Взрывом разнесло весь подвал и половину первого этажа. Говорят, меня собирали чуть ли не по кускам. Благодаря могущественным родителям Кадии меня лечили так быстро и энергично, как никого и никогда. Шолох уже давно ни с кем не воевал, а в мирное время находится мало идиотов, умудряющихся себя взорвать...

Главной задачей лекарей было заставить работать мою собственную магию. Сделать так, чтобы она полностью посвятила себя регенерации. Никто не может вылечить человека, кроме самого человека

Я спала. А волшебство работало. Оно работало и тогда, когда я вдруг очнулась. Это стало проблемой: ведь во сне мы больше верим в себя и, как следствие, легче творим невозможное.

Усыпить меня заклинанием не удалось – организм и так претерпевал слишком много магического вмешательства. Я лежала, привязанная к койке, и с ужасом наблюдала, как мое тело светится всеми цветами радуги поочередно.

– Постарайся не думать, – советовала медсестра. – Твое подсознание пытается захватить как можно больше унни, не мешай ему.

Это было сложно. В голову лезли мысли, в том числе такие как: «Не думать, не думать, прахов прах, я должна не думать. Или я не должна думать, хм, как будет правильнее с точки зрения стилистики, а-а-а, остановись!» До сих пор боюсь, что в исчезновении магии виноваты именно те размышления.

В какой-то момент сияние просто прекратилось.

Медсестра нахмурилась и подошла поближе. Она потыкала меня тут и там, приложила к груди холодную железку, измерила температуру. Потом посмотрела на мое лицо и ахнула.

Оказалось, магия не завершила работу: левое ухо осталось порванным, с аккуратным крестиком шрама у мочки.

Лекари решили, что мне нужно отдохнуть и процесс выздоровления продолжится. Но не тут-то было. В тот день спектакль закончился. Унни сочла, что я слишком распустила руки, и решила разорвать наши отношения. Навсегда.

Существует множество теорий о том, что такое магия, откуда она берется и почему некоторые люди колдуют лучше, чем другие.

Но философы сходятся в одном – у магии есть какое-то подобие разума. Если ты хочешь творить волшебство, то ты снова и снова вступаешь в схватку с унни.

Унни – это энергия, определяющая мироздание. Из нее состоит все сущее: деревья, моря, воздух, люди и животные. Когда ты колдуешь, то ты как бы навязываешь унни свою волю, поработщаешь ее частичку и как победитель меняешь вселенную на свой манер. Сильные маги часто выглядят подтянутыми и сухопарыми: противостояние с унни съедает кучу сил, как и всякая нормальная драка. Обычно до унни еще и непросто добраться: ведь она скрыта под материей бромой.

Да, бывают места, где колдуется легче – там энергия податливее. Но все равно для колдовства первична личность мага. Его жесткость, целеустремленность, негибаемость. Его готовность бороться до конца.

Прошлой зимой мне каким-то чудом удалось в сжатые сроки найти, «победить» и «сжрать» достаточно большое количество унни для того, чтобы восстановить свое брренное тело. И, кажется, в ходе той схватки энергия раз и навсегда уяснила для себя, как нужно уворачиваться от моей воли.

Это честно и нечестно одновременно. Но, в любом случае, до ужаса тоскливо.

Почти так же тоскливо, как то, что завтра в ведомстве мне все-таки придется признаться в своей ущербности. Несмотря на яростную тираду друзьям, я не могу иначе. Затягивать эту ситуацию – себе дороже. Увы, без магии я пустышка. Так пусть в департаменте эту горькую правду услышат от меня, а не выяснят опытным путем.

В темноте я нащупала свеженькую татуировку Ловчей.

Интересно, больно будет ее сводить?..

Мне представился Полян со своими многочисленными амулетами и огромными черными глазами. Лучший Ловчий ведомства, говорите? Как он среагирует, когда узнает, что стал куратором для неведомой зверушки? Я накрыла голову подушкой и застонала.

Лихорадочный восторг, мой дневной спутник, ушел. Осталось только привычное чувство собственной ничтожности.

Потом я наконец-то заснула, прижав ладонь к разорванному уху.

На острове-кургане

Тринап, то есть «трижды-на-пригорке» – это командная игра с мячом, лассо и битами, известная как национальный спорт Лесного королевства. Энциклопедия «Доронах»

Профессиональная форма для тринана включает в себя шлем, защитное снаряжение на шею, комбинезон из мистральной упругой ткани, а также гномьи наплечники, налокотники и наколенники. Вы думаете, вам больно, когда вы безответно влюбляетесь в какого-нибудь красавчика – так вот, НЕТ. По-настоящему больно, если лассо зацепит за шею или стеганет по лицу.

Мастер Пнирколено, тренер сборной по тринану

В девять утра ровно – колокол на Ратуше не даст соврать – я стояла перед Иноземным ведомством.

Здание, обрамленное крепкими молодыми дубами, как бакенбардами, щерилось на меня тремя парами дверей. Двери беспрестанно распахивались. Работники бегали туда-сюда, не давая им закрыться.

У всех в руках были папки. Из блестящего изумрудного картона, с непременной розой ветров и картой мира на об-

ложке. Писчие перья крепились к папкам на обманчиво тонкую цепочку: на деле не оторвешь! Я вспомнила, как прошлой зимой наблюдала за детьми, игравшими в Короля Холмов на сметенных вдоль улиц сугробах. У них точно так же, за веревочки, варежки цеплялись к рукавам.

Я собиралась с духом. Сжимала и разжимала кулаки, будто в кабинете лекаря перед плановой сдачей крови. Я готовилась к признанию. Боялась и злилась. В голове играла воинственная музыка – для острастки.

Неожиданный хлопок по плечу заставил меня подпрыгнуть.

– Привет! Готова к первому делу? Очень, очень интересное.

– Полынь?

– Кто ж еще. Разворачивайся, нам надо во дворец. Тебе повезло – нечасто новички с ходу попадают в святая святых Шолоха!

Куратор выглядел таким бодрым и довольным, что у меня аж зубы заболели – очень не хотелось признаваться.

Все его обереги и талисманы были начищены до блеска, переливаясь на майском солнышке, как ювелирный прилавок. Вот-вот окрестные сороки слетятся.

Я прокашлялась и, ковыряя носком сандалии землю, промямлила:

– Подожди, надо кое-что обсудить. По идее, еще вчера стоило, но я сглупила, поэтому говорю только сейчас...

– Минуту. – Куратор предостерегающе поднял ладонь. На каждом пальце было по тяжелому перстню. – От того, что ты хочешь сказать, зависит чья-то жизнь?

– Э-э... Скорее нет.

– Тогда отложим разговор.

Я тихо выдохнула. Будто едешь сдавать важный экзамен, но на полпути передумываешь и воровато разворачиваешься – прогуляю! Стыд и облегчение одновременно.

– А как же вступительные тесты? Селия вчера говорила, что...

– Все потом!

Сердце выдало барабанную дробь. Полынь посмотрел на меня очень внимательно, будто прислушиваясь к этому сердечному соло, и осторожно увел от ведомства.

То, что я послушалась его – это слабость? Или веление судьбы? Предпринять еще попытку раскрыть карты или счесть, что само небо хочет, чтобы я молчала?

– Тинави, ты знаешь, кто такой баргест? – спросил между тем куратор.

Мы продирались сквозь толпу на Министерской площади. Приходилось как следует работать локтями, ведь площадь – одно из самых популярных мест в столице.

Я ответила, постаравшись выказать максимум эрудиции:

– Баргест – это нейтральный дух, предвестник несчастья. Является людям, в чьих жилах течет кровь срединного народа, то есть представителям знатных Домов. Если принять

меры, предсказанное баргестом можно миновать – обычно ради этого дух и приходит. Хотя история знает случаи, когда он злорадствовал, являясь за несколько минут до катастрофы. Чисто чтобы посмеяться.

– Молодец, – кивнул Полюнь.

Сегодня его черные волосы были собраны в огромный клубковатый пучок на темечке, который смешно подпрыгивал при каждом шаге куратора. В пучке позвякивали монетки и колокольчики.

И не лень ему так заморачиваться!

– Ты верно сказала – баргесты являются только знатным шолоховцам. В теории я могу представить, что баргест придет к обычному горожанину: возможно, у того есть гены срединников, хотя титул и не унаследован. Но вот чтобы баргест явился дриаде... Это из ряда вон выходящая ситуация. – Ловчий цокнул языком.

– Баргест и дриада? Это и есть наше дело? – удивилась я.

– Да, – куратор улыбнулся. – Сущности из очень разных миров, как считаешь?

– Пожалуй, – согласилась я. Потом подумала и пожала плечами: – Может, дриада врет?

– Это самое логичное объяснение. Но она третий день подряд приходит в ведомство с жалобой, и при даче показаний ее так трясет, что департамент все-таки отправил проверку.

Мы подошли к тяжелому кованому мосту, ведущему на

остров-курган.

Этот высокий остров с крутыми берегами, на котором воздвигнут королевский дворец – самое сердце Шолоха. Вокруг свернулся змеей оборонительный ров Рейнич. К нему подведены шесть столичных рек, из-за чего на картах центр Шолоха похож на диковинное шестипалое существо.

Когда мы с куратором ступили на мост, мрачные гвардейцы с лязгом скрестили алебарды и перегородили нам путь. Веселенький плюмаж на их шлемах никак не сочетался со зверскими физиономиями.

Один из стражей сплюнул на землю и рывкнул басом:

– Кто? Куда? Зачем?

– Ловчие. Во дворец. По вызову, – передразнил Полынь. Когда гвардеец заскрежетал зубами от подобного «неуважения», черные глаза Ловчего проказливо блеснули.

– Удостоверение?

Полынь начал скучающе, неторопливо заворачивать рукав. Я с замиранием сердца стала повторять за ним. Еще медленнее, что окончательно взбесило стража. Он аж вспотел. Хотя, возможно, это из-за жаркой формы. Ох-ох-ох. Мое «удостоверение» так и не засияло, и сейчас, когда это обнаружится, кому-то будет бо-бо.

Но вот Полынь разобрался со своими несметными шелками (да, он опять был в «маечной» хламиде) и поднял руку, церемониально приложив тыльную сторону ладони ко лбу. На предплечье вспыхнула татуировка, увидев которую, гвар-

дейцы расступились.

Я бочком-бочком проскользнула за куратором.

* * *

Когда пересекаешь Трекованый мост, то будто попадаешь в другой мир.

Шолох – город, который последовательно и упорно отвоевывает у вездесущего леса пространство для жизни. Но дворцовый остров, напротив, решил капитулировать перед матушкой-природой.

Здесь все утопает в зелени. Кролики мирно скачут в густой траве. Желтые бабочки порхают среди кустов. Воздух напоен упоительными ароматами жасмина и гудением пчел. Вдалеке то и дело слышится приглушенный звон мечей: идет рыцарский бой на радость двору.

Мы с Полынью хрустели по извилистой гравийной дорожке, щедро утыканной гвардейцами. Видимо, вместо кипарисов. Неприхотливы и функциональны, а молчат похлеще деревьев.

Дорожка привела нас к главному зданию дворца – тому, что ступеньками поднимается по крутому склону кургана и представляет собой многоуровневое ажурно-игольчатое безумие. Безумие цвета взбитых сливок. Будто торт на великаньей свадьбе. Не помню, при каком из королей строили дворцовый комплекс, но тот явно обожал все сладкое и воз-

душное.

Мы зашли в парадные двери. Пятнадцать минут блужда-ний (справились бы быстрее, но приходилось раскланивать-ся со всеми встречными) – и Полынь постучался в непри-метную деревянную дверь.

– Наша задача – выяснить побольше про эту дриаду. Не обвиняем ее во лжи, но и не верим истории про баргеста. Все вежливо и нейтрально, – шепнул мне куратор, пока с той стороны отпирали щеколду.

Вблизи я почувствовала, что от Полыни сильно пахнет по-пулярным в Шолохе лекарством от простуды: мята, перец и эвкалипт, вдохнешь – будто легкие сжигает. Болеет он, что ли?

Нам открыли.

Я невольно отшатнулась: кожа дриады, появившейся в дверном проеме, была ровно того же цвета и текстуры, что и лакированный дуб. Даже темные пятнышки срезанных суч-ков имелись. Пугающий эффект, если честно.

– Здравствуйте, Цфат. Меня зовут Полынь, а это Тинави, мы Ловчие. Можно зайти? – Куратор наклонил голову вбок.

Цфат вперила в нас неподвижный взгляд раскосых травя-нистых глаз. Высокая, худая, с ярко выраженными шишко-ватыми суставами, она казалась искусно вырезанной скульп-турой, а не живым существом.

Только волосы, волнами спускающиеся до самого пола (и тоже зеленые), не давали шанса на ошибку: перебираемые

ветерком, они слегка шевелились, что-то шептали, обещали, поблескивали в янтаре солнечных лучей... Я никогда еще не видела таких чудесных волос у дриады.

Цфат деревянно улыбнулась и пропищала:

– Конечно, Полынь. Конечно, Тинави. Будет честью для меня. – Она поклонилась и пропустила нас в комнату.

Полынь, по-собачьи поводя носом, прошел в центр спальни.

Я гуськом поплелась за ним, оторопело пялясь на ряд манекенов у стены. Манекены не обладали ни малейшим намеком на лица, зато могли похвастаться вычурными прическами. Кроме того, на полках и витринах тут и там были разложены парикмахерские инструменты. На стенах висели схемы стрижек и пара молитвенных картинок с шестью богами-хранителями.

– Прелестная комната, Цфат! – оценил Полынь. И, думаю, вполне искренне. – Чем вы занимаетесь во дворце? – спросил он, хотя даже мне все было очевидно.

Перед тем как сесть на невысокий топчан, куратор тщательно разгладил свое одеяние, чтобы не помять. Ишь какой осторожный! А издали выглядит, как ходячая помойка.

– Я ухаживаю за волосами Ее Величества.

– Вам нравится ваша профессия, не так ли?

– Очень нравится, господин Полынь. – Цфат снова поклонилась.

– А в целом – вам комфортно в Шолохе? Давно ваша се-

мья живет в Лесном королевстве?

– Очень комфортно, господин Полынь. Моя семья живет в Лютгардии, я одна приехала сюда.

– К родственникам?

– Нет, у меня здесь нет никаких родственников.

Полынь сцепил руки замком и вольготно закинул их за голову:

– Кто-то из ваших предков путешествовал в наш край?

– Мои предки никогда не были в Лесном королевстве.

– Тогда почему вы выбрали Шолох как место жительства?

– Я переехала, потому что мне нравится, что здесь можно выглядеть, как угодно, и никто тебя не осудит. В Лютгардии невозможно носить столь длинные волосы, как у меня: дриады не терпят излишеств. Или ходить с подростковой прической, как у вас, господин Полынь. А вам, госпожа Тинави, запретили бы заправлять волосы за уши – так видно вашу рану, а в Лютгардии не демонстрируют увечья.

Я машинально выпустила волосы вперед. Демонстрировать увечья, что?! Подумаешь, пара шрамов и рваная мочка! Неужели так заметно?

Полынь проигнорировал замечание:

– Да, все верно, Лесное королевство – страна свободы. И волшебства. Скажите, давно вам является баргест?

– Третью ночь подряд.

– И как он выглядит?

– Пугающе. – Цфат сокрушенно покачала головой.

– Можно подробнее?

– Он похож на пса, огромного пса графитового цвета. Когда я ложусь спать, он появляется у двери и смотрит на меня, а потом медленно приближается. Сначала я решила, что это чья-то собака, и встала, чтобы прогнать его. Но стоило мне приблизиться, баргест увеличился в размерах – стал больше меня, занял почти всю комнату! Потом завыл и исчез. Следующие разы было то же самое, хотя я уже не пробовала подойти к нему.

– А какая у него шерсть, Цфат?

– Ухоженная. Короткая и гладкая, блестит.

– Почему вы думаете, что это баргест?

– Но как иначе? Рядом с этим псом мне становится так горько, будто я уже умерла, господин Полынь...

Куратор что-то черкнул в маленьком блокнотике, который в начале беседы вынул из одной из своих «ночнушек». Он повертел головой туда-сюда, потом наклонился и бесцеремонно посмотрел под топчан, на котором сидел. Брови дриады взметнулись вверх, но Полынь флегматично пожал плечами: а я что? А я ничего.

Потом он спросил:

– А это может быть чья-то злая проделка, чтобы расстроить или испугать вас?

– Нет, господин Полынь. У меня есть несколько подруг во дворце, но все они добрые и честные девушки. Большую часть дня я провожу за работой, причесывая королеву и знат-

ных дам.

– Цфат, еще такой момент. Не хочу ставить под сомнения ваш профессионализм, но вдруг вы сделали кому-то неудачную укладку, и человек разозлился на вас?

– Никак нет! Я очень люблю свою работу и всегда все делаю хорошо. – Дриада вскочила и обвела рукой комнату: мол, смотрите, я настоящий фанат, как вы можете сомневаться во мне?

Полынь и не стал.

– Хорошо, – кивнул он. – Сегодня ночью мы нанесем вам еще один визит, чтобы воочию убедиться в присутствии баргеста. Вам нужно придумать место, где мы сможем спрятаться. Платяной шкаф, портьеры, что-то стандартное – баргесты не очень хитроумны и не сильно беспокоятся о приватности.

Мы попрощались и ушли.

– Что ты думаешь об этом? – спросила я у Полыни, пока мы пересекали садовый лабиринт, ведущий к одному из мостов. Он был выполнен в «шахматном» стиле: тут и там в зеленых нишах стояли белоснежные фигуры, смотрящие на визитеров с презрением и опаской.

– Пока что ничего не думаю. – Полынь пожал плечами, на что его бесчисленные побрякушки отозвались нестройным звоном. – Описание баргеста подходит. Причем в книжках пишут про «клочковатую шерсть», но парикмахерша Цфат назвала ее гладкой и короткой, что соответствует действительности. Местной родни нет, значит, гены отвергаем...

Может, чье-то колдовство – узнаем вечером. Ах, да, подожди меня здесь, мне нужно еще кое-что сделать, пока мы во дворце.

Я послушно села на указанную им скамью. Полынь нырнул в неприметный проход в зеленой изгороди и был таков.

Минуты две я сидела в молчании, наслаждаясь теплым весенним солнышком и запахом сирени. Точно напротив меня на белоснежном постаменте высился гордый ферзь. Садовый архитектор нарисовал ему лицо, и, жуткое дело, шахматная фигура стала напоминать тыквы для Самайна. Под ее взглядом было сложно расслабиться, но в итоге я сумела. Где наша не пропадала!

Потом послышался скрип гравия – из-за угла кто-то приближался. Я резко выпрямилась и напустила свое Деловое Лицо. Боюсь, со стороны можно было подумать, что я хочу в туалет.

Шаги были легкими, очень легкими, не быстрыми и не медленными. Как говорил мастер Орлин, так шагают только люди с чистой совестью.

Идущий тихо насвистывал, и я невольно улыбнулась: столько беззаботной радости было в этой незатейливой мелодии.

И вот – человек вывернул из-за ряда кипарисов. Свист взмыл мажором – и сразу оборвался.

– Тинави! Это вы! К-какая встреча! – возопил появившийся на дорожке юноша и распахнул объятия.

Я обомлела от неожиданности, но потом, в волнении пугаясь в полах летяги, кое-как поднялась ему навстречу:

– И в самом деле, удивительная встреча, Лиссай!

Он был высокий и тонкий, сутулый. Лицо, шея, руки, длиннющие пальцы с торчащими костяшками – весь в веснушках.

Светло-рыжие волосы торчали под такими безумными углами, что, казалось, он стрижется сам (моя новая знакомая, Цфат, такого бы не допустила!). Юноша убирал мешающиеся пряди за уши, но те снова и снова выскальзывали обратно. Я насчитала пять раз за те полминуты, что мы здоровались. Это было обескураживающе мило.

Он весь был очень милым. Как потерявшийся бельчонок. Туго замотанный в традиционный шолоховский наряд – нечто вроде савана, – он передвигался небольшими шагами и напоминал мачту, раскачиваемую ураганом. Глаза его были серьезны и зелены, как сам лес.

– Здорово, что вы меня помните, Лиссай. А то исчезли тогда так внезапно, что я подумала, специально сбежали. – Я подпустила в голос легкого укора и постаралась незаметно прихорошиться.

Рыжий улыбнулся еще шире:

– К-как же вас забудешь! К-к сожалению, тогда, из библиотеки, мне пришлось уйти не по своей воле. Но в глубине души я знал, что наши пути еще пересекутся. Приятно, что это случилось так скоро. – Он сердечно сжал мою ла-

донь двумя руками, не переставая улыбаться.

Что немаловажно – искренне улыбаться.

Удивительно, как легко может быть с почти незнакомым человеком! Ведь мы с Лиссаем впервые встретились около месяца назад – и не виделись ни разу с тех пор.

Это случилось в городской библиотеке. В тот день я шла по читальному залу вся такая обворожительная, грустная и обвешанная книгами, а рыжий Лиссай стоял, спокойный и пустопорожний, в проходе.

Противоположности притягиваются, поэтому удивительная сила набранной мною литературы сбила молодого человека с ног. Мы разговорились.

Сначала там же, на месте крушения, потом за одним из читальных столов. Полтора часа прошли незаметно: не знаю, как, но этот несуразный парень умудрился вложить мне в голову ощущение, что я – очень и очень особенная. При том, что не был похож ни на искателя интрижки, ни на льстеца, каковые обычно промышляют такой манипуляцией.

И вообще, мы почти не говорили «по существу» – о своих жизнях – скорее, о литературе, искусстве, философии и религии... В какой-то момент Лиссай сказал, что хочет прямо сейчас показать мне одну книгу – и отправился за ней в другой зал. Но не вернулся.

Я решила, что на этом наше знакомство закончилось. Расстроилась, конечно. А через пару дней выкинула из головы – ценой невероятных усилий.

Но вот он стоит передо мной и сияет, как ограненный бриллиант.

– А знаете, Тинави, пойдёте выпьем чаю? Ведь в тот раз я не расск-казал вам самое важное! – Глаза Лиссая разгорелись звездами.

Я замялась:

– Мне бы очень этого хотелось, но я здесь по рабочему вопросу.

– Да бросьте вы! Я живу за углом, поэтому не отниму у вас много времени.

– Вы живёте на территории дворца? – удивилась я.

Лиссай в своём дорогом национальном костюме не был похож на слугу. Но для придворного он был слишком... несуразным, что ли. По-детски наивным, с огромными глазами-блюдцами. Ох, не задерживаются такие люди при дворе – в этом безумном мире интриг и власти.

– Да, буквально сто шагов отсюда.

Я набрала в грудь воздуха, чтобы ответить решительным отказом (первый рабочий день!) и предложить альтернативу (ну классный же парень!), как вдруг из зелёной изгороди вынырнул Полынъ.

Причем не из какого-нибудь тайного прохода в лабиринте, а прямо из цветочной стены – с треском и руганью. Куратор замер, озабоченно выпутывая из волос веточки и листья – хотя, как по мне, так они смотрелись в его бешеной шевелюре весьма органично.

Выскребывая что-то особенно злобное на затылке, По-
лынь слегка повернул оголившуюся левую руку. Татуировка
Ловчего ярко вспыхнула на солнце.

Тотчас с боковых дорожек выскочили четверо гвардей-
цев и загородили собой Лиссая от Полены. И, заодно, от ме-
ня. Белоснежный ферзь, мой недруг, начал ухмыляться еще
мерзопакостнее.

– Тревога, тревога, код багрянец! – рывкнул один из стра-
жей в кристалл-передатчик.

– Код багрянец, действуйте по стандарту! – запульсировал
кристалл в ответ.

Я позволила своей челюсти обреченно отвиснуть. Это что
за дела?

– Мастер Лиссай, прошу, немедленно вернитесь в свои по-
кои, – строго сказал страж с передатчиком.

– Но к-как же так? Я имею полное право гулять по этой
территории! – Рыжик сложил руки на груди, гордо вздернув
по-детски нежный подбородок.

– Тот мужчина опасен. – Гвардейцы стали аккуратненько
разворачивать Лиссая – не трогая, но направляя жестами и
мечами, так сказать.

– Но я же не с ним разговариваю, а с Тинави! – возмутился
Лиссай. Мое имя он произнес так, будто оно должно было
как-то повлиять на ход дела.

– Мы уходим, – веско сказал все тот же господин в латах. –
И вы уходите, – сообщил он Полены не слишком-то вежли-

во.

Куратор пожал плечами и озадаченно пробормотал что-то про «негодную, негодную тропинку».

– Тинави, пожалуйста, навестите меня на днях! – донесся глухой голос Лиссая из железного каре, которым его окружили и повели прочь по дорожке. – Я живу в Восточном крыле!

– Обязательно! – крикнула я в ответ.

Когда тяжело вооруженная кучка с этим удивительным парнем исчезла за поворотом, я изумленно повернулась к Полыни:

– И что это было?

Куратор с кислой миной отдирает от одежды репей, но все же снизошел до ответа:

– Охрана Его Высочества Лиссая считает, что общение с Ловчими может повредить тонкой душевной организации принца, – проворчал он.

И полез обратно, в ту же стену, но парой метров дальше.

– А у тебя татуировки не видно, вот и не сообразили, что ты из наших.

Полынь уже целиком исчез в кусте.

– Кстати, на остаток дня я занят, а вот ты свободна! Встретимся за полчаса до полуночи у Трекованого моста!

– Подожди, Полынь! – взывала я ему вслед, но поздно. – Как это Его Высочества? Как это принца?! Лиссай что, сын короля? И, хранители всемогущие, что ты делаешь?!

Ответом мне был лишь удаляющийся треск ветвей.

Хозяин Крустов

В нулевом году нашей эры шестеро богов-хранителей покинули Лайонассу и поодиночке отправились путешествовать в другие миры, чтобы распространить свои знания как можно шире по Вселенной. С этого момента заканчиваются наши хроники о богах – и начинаются сказки. Что происходит с хранителями сегодня – неизвестно.
Энциклопедия «Доронах»

Брошенная Полынью фраза о том, что обаяшка Лиссай был принцем, требовала дальнейших разъяснений. Я постаралась отложить свои лихорадочные мысли на этот счет до того момента, когда эти разъяснения получу.

Впрочем, сказанное куратором вполне могло быть правдой.

Стражники, жилье во дворце, изысканные манеры вкупе с колоссальной расслабленностью... У короля Сайнора много детей, и, так как в Шолохе не принято лезть в частную жизнь власть имущих, Лиссай мог быть одним из них.

С ума сойти! Неужели я приглянулась Его Высочеству? О-хо-хо!

За сутки с небольшим количество загадок в моей жиз-

ни возросло в геометрической прогрессии. Такое ощущение, что плутовка-судьба, забывшая обо мне в последние полгода, неожиданно очухалась и подумала: вот же прах, у меня там Тинави киснет без присмотра! А ну-ка вмажем по невероятностям!

Я покинула территорию острова-кургана.

То, что Полынь отпустил меня на остаток дня, стало неожиданностью. Поразмыслив, я решила отправиться в Лазарет: навещу Дахху и мальчика, как мы вчера условились.

До Лазарета было далеко, так что мне требовался перевозчик.

Ближайшая ко дворцу стоянка располагалась за чертой обжитых улиц, в чащобе, во дворе паломнического ресторана «Подкова души моей». На окошко ресторана, целомудренно прикрытое ситцевой занавеской, снаружи была приклеена бумажка со стрелкой: «Атминстратер ТАМ!».

Я поморщилась и пошла в указанном направлении. На лавке у заднего крыльца восседал козлоногий сатир. Его борода кишмя кишела муравьями. Я отпрянула – ненавижу насекомых – но потом собралась с силами и обратилась к нему:

– Добрый день. Мне нужно в район Пятиречья.

– Без про-облем, дамочка, – развязно проблеял сатир, поднимая волосатую ладошку и жеманно прикрывая узкие глазки. – Пожелания по окрасу есть?

– Окрас любой. Но молчаливого мастера, пожалуйста.

– Будет сделано. Проследуйте за мной.

Администратор поцокал куда-то в глубь двора. Я покорно засемила следом. В какой-то момент он поднял хвост и... ээ... сделал это. Я тактично отвернулась, но сатиру, кажется, было все равно.

– Хххе-е-ей, Патрициус! До Пятиречья девицу возьмешь? В тишине, – крикнул он, постучавшись в стойло номер пять.

– Беру, – оттуда донесся приятный баритон. Из тех, что называют «бархатными» в рекламных проспектах шолоховской оперы. Створки стойла распахнулись, и ко мне вышел, горделиво вихляя крупом, моложавый кентавр каурой масти.

Он был мускулист и строен, с крепкими мохнатыми ногами и высоко поставленным хвостом. Ярко выраженные трицепсы, бицепсы и не знаю что еще приковывали взгляд, хотя уж кто-кто, а я никогда не была ценительницей мужской красоты.

– Точно молчать будем? – уточнил у меня Патрициус, пока я забиралась ему на спину и просовывала ступни в желтые стремяна с номерными знаками.

– Точно. Я не говорливая.

– Ну ладно, – разочарованно протянул кентавр и почесал ухо под веселеньким цветочным венком, украшавшим его русую голову. – С ветерком?

– Да, пожалуйста.

И мы поскакали через весь город. Ух!

Я обожаю кататься с кентаврами. На то, чтобы иметь своего коня, у меня не хватает средств и усидчивости, а водный

транспорт в Шолохе куда медленнее скакунов. Перевозчики же – прекрасный вариант, особенно после того, как ввели функцию «молчаливый мастер»: ты можешь заранее предупредить, что не хочешь общаться в пути, как я и сделала. А то вы знаете этих кентавров: трепятся безостановочно, и в основном, увы, жалуются.

Зато, если у кентавра легкий характер, то он непременно разбавляет галоп мощными прыжками с преодолением препятствий. У Патрициуса характер оказался легче перышка.

Мы весело скакали по центральным кварталам: с визгом разбегались прохожие, маленькие собачки заливались лаем, вездесущие ташени едва успевали уворачиваться...

– Чуть не снес прилавков, супостат парнокопытный! – заорал нам вслед какой-то негодующий торговец.

– Я непарнокопытный! Так что отвали, недоделок бесхвостый! – Патрициус не остался в долгу.

Все правильно: ведь кентавр должен быть молчаливым только по отношению ко мне.

В какой-то жуткий момент нам на пути попался Ходящий в золотом плаще и маске. Теневик наблюдал за верандой летнего кафе, видимо, выслеживая жертву... то есть подозреваемого. Стайки людей огибали агента по большой дуге.

Патрициус лихо заржал и, проносясь мимо, обдал Ходящего брызгами из глубокой лужи. Грозная фигура обернулась, но мы уже были далеко.

– Так тебе, железнолицый! – «вникуда» бросил Патрици-

ус.

– Я их тоже не люблю, – не удержавшись, вякнула я.

– Мерзкие люди, мерзкая работенка! – Кентавр встрепенулся, почуяв возможность беседы.

– Это если вообще люди... – пробормотала я, мигом вспомнив тысячу и одну легенду о запредельных возможностях Теневого департамента.

* * *

Когда мы домчали до Пятиречья, мои волосы были спутаны в безумный клубок, а в глаза надуло.

– Все понравилось, мадам? – участливо поинтересовался Патрициус, пока я спешивалась.

– Сто баллов, – кивнула я.

Район Пятиречья не зря так называется: здесь широкая столичная Нейрис распадается на пять рукавов. Тут же растет знаменитая роща деревьев ошши, в которой прячется, надежно скрытый от чужих глаз, Лазарет.

Ошши – один из символов Шолоха.

Это огромные крупнолистые деревья с узловатыми стволами и толстыми корнями. Художники изображают их на своих полотнах, когда хотят нарисовать идиллический пикник – очень уж ошши симпатичные. Такие прям разлапистые, умиротворяющие, хоть плачь. Да еще и с огромными оранжевыми плодами, которые светятся в темноте, как

апельсиновые луны – и, честное слово, могли бы стать прекрасным элементом городского освещения... Если бы не крусты, которые в них живут.

Сжав зубы и пообещав наградить себя конфеткой постфактум, я смело вступила в рощу. Садист-архитектор выложил дорожку к Лазарету по спирали – путь обещал стать долгим.

Шоу началось с первого же моего шага.

– Фу-у-у, приперлась! – раздался злобный, клекочущий шепот из кустов.

– Наглая самка какая, фу-у-у-у! – вторили ему с другой стороны тропинки.

Я набросила капюшон, опустила голову и ускорила. Увы: крусты – древесные человечки – твердо решили развлечься за мой счет.

Один из них пронзительно свистнул где-то в овраге. Тотчас с веток деревьев свесились, будто летучие мыши, десятки леших. Чернели глазки-бусинки, поскрипывали тельца, похожие на связки палочек для розжига. Скалились крохотные зубки.

– Здрасти, здрасти, здрасти, – залезла я.

Так надо. Ибо крусты как бы положительные персонажи: заботятся о деревьях ошши на роли высококлассных, бесплатных садовников матушки-природы. Нам нельзя их обижать. Им нас – можно.

В ответ на приветствие мне в голову прилетело тяжелое

спелое яблоко – звук был такой, будто от черепушки что-то откололось. Охнув, я безропотно пошла дальше.

Любишь ошши – терпи крустов. Каждый шолоховец это знает.

Тыдыж, тыдыж, тыдыж, – гремели падающие передо мной камни. За деревьями замаячили витиеватые башенки Лазарета. Удивительно все-таки, что оплот тишины и спокойствия прячется в таком безумном месте, как эта роща!

– Эта че приперлась, ф-у-у? – Один круст внезапно выскочил передо мной на тропинку. Он был больше других, а на голове у него разбухли нежно-салатовые почки будущих листиков. Интересно, подобная растительность влияет на интеллект?

Я вежливо помахала лешаку и стала обходить его по кругу.

– Че приперлась, говорю-ю-ю? – Он забулькал, как кастрюлька.

Я игнорировала лешего. Отвечать им ни в коем случае нельзя, они сразу почувствуют себя сильнее и набросятся. Не убьют, конечно, но расцарапают. Зачем – не знаю. Никто, кажется, не знает. Характер такой.

Хотя иногда мне в голову закрадывается мысль, что они просто не хотят оставлять лекарей без работы. Если вдруг в городе все спокойно, обязательно найдется парочка бедолаг, искусанных крустами.

– Она прямо к хозя-я-яину идет, подружка хозяина, пах-

нет-то как – чуешь? – мерзко захихикал светло-бежевый
круст, вниз башкой свисающий с ветки.

– А! Точно! Пахнет! Хозяин порадуетя. – Почковастый соорстил злорадную мину.

– Хозяин? Хозяин вернулся? – разволновался другой круст, легкомысленно раскачивающийся на оранжевом плоду ошши.

– Вернулся, давно уже вернулся! Спа-а-ал только, лечи-и-ился. Вернулся – и к нам теперь пришел! – Шепоты и экзальтированные вздохи понеслись со всех сторон.

Мне очень не понравились эти комментарии.

Прикинув, каким должен оказаться хозяин крустов, если даже рядовые лешаки портят столько крови, я решительно свернула с дорожки в овраг.

Изгваздаюсь, конечно, но хоть не сцеплюсь с главным лесшим. Он, вероятно, поджидает в конце тропинки, заранее запасшись камешками, яблоками и прочим метательным скарбом.

Не дождется!

* * *

Пять минут спустя я стояла на крыльце Лазарета.

Серебряный дверной замок в виде морды волка приветливо осклабился: в отличие от крустов, он всегда рад гостям.

Тщательно обтерев ноги о губчатый коврик, я нырнула в

прохладное нутро больницы.

Глаза резануло светом. Все в Лазарете было вызывающе белым. Ума не приложу, с какой скоростью тут приходится вытирать пыль и следы от грязных ботинок посетителей! Уборщики явно проходят какие-то курсы спецподготовки. Некий злобный экзаменатор бесконечно бегают по коридору с ведром грязи, а они носятся за ним со швабрами. Потом звенит секундомер, и арбитры замеряют лучший результат...

Сверившись с расписанием, выбитым в стене на стародольном языке, я направилась в палату, где дежурил Дахху.

Белые стены добродушно поглаживали мою тень, белый пол слегка проскальзывал под мягкими сандалиями. Лекари в белых тогах деликатно шуршали мимо меня. Белые гортензии, благоухая, свешивались с карнизов. На цыпочках я прошла мимо Корпуса Морфея. Это раздел Лазарета, где спят, восстанавливая силы, особо пострадавшие. Спят, спят, спят. Могут спать неделю, месяц, иногда даже год, в ожидании, что мозг восстановится и начнет излечиваться волшебством. Еще боги-хранители говорили: сон – это лучшая тактика. Но простым смертным нужен уход на время спячки. Вот и снуют по Морфею медсестры, вот и меняют белье.

Я тоже тут лежала зимой.

Эх, Лазарет.

Хранители небесные, как же я ненавижу это стерильное место.

Я зашла в палату.

На единственной занятой кровати лежал, подогнув колени, наш мальчик. Дахху сидел подле него. Друг читал вслух какой-то приключенческий роман. Удачно я попала – сразу на двоих.

– Привет! Ну что, познакомимся полноценно? – предложила я Карлу.

Он выглядел немного испуганным. Сине-бирюзовые глаза, широко поставленные, с припухшими веками, моргали редко, как у птицы. Брови казались такими светлыми, будто их и не было вовсе.

Подумав, мальчик согласно кивнул:

– Я Карл.

– Тинави. Это из моего дома тебе пришлось совершить побег вчера утром... Надо сказать, ты справился с блеском!

– Я всегда хотел быть похожим на Монте-Кристо, – мальчик робко улыбнулся.

– На кого? – не поняла я.

Физиономия Карла моментально вытянулась:

– На Монте-Кристо... Только я не помню, кто это. Просто, когда вы сказали про побег, фамилия сама скакнула на язык.

– Ничего страшного, Карл, это нормально при амнезии, – утешил его Дахху. – То, что воспоминания возвращаются,

пусть даже обрывочно – это хорошо.

Даже поверх больничной тоги друг умудрился намотать шарф. Волосы, ясен-красен, прикрывала шапка. Ох, наорет на него дежурная медсестра, если увидит!

Мы немного поболтали с Карлом и Дахху. Вернее, в основном болтали мы с другом – обменивались новостями, а мальчик слушал. Подозреваю, ему особо нечего было сказать. В больницах время тянется медленно, а прошлое подростка едва проклевывалось сквозь туман беспамятства.

– Кстати! – Я подпрыгнула. – У меня же твоя вещичка! – И я вытащила тот странный цилиндр, что мальчик обронил вчера. – Мы так и не поняли, что это, но знай – Дахху чуть ли не жизнью рисковал, отбирая его у бокки! Расскажешь тайну этой штучки?

Карл с недоумением взял у меня цилиндрик. Повертел в руках туда-сюда, нажал на странную кнопочку, постучал по стеклу. Нахмурился: белый лоб прорезали суровые морщины.

– Не работает... Но я в любом случае не помню этой вещи, – смущенно сказал он, возвращая предмет и как-то побито заглядывая мне в глаза.

Взор его был полон неподдельной грусти. В ответ я оглушительно чихнула. Потом еще раз и еще. Карл отшатнулся с перекошенным лицом.

– Ох, простите. Видимо, умудрилась простудиться, – прогнусавила я.

– Дать тебе какую-нибудь таблетку? – Дахху уже заботливо потянулся к тумбочке.

– Нет, спасибо.

– А вы сильный маг, да? – невпопад брякнул Карл, глядя на меня с откровенным ужасом.

Дахху изумленно поднял брови. У меня по-привычному грустно ухнуло сердце.

– Если бы... – Я смерила мальчика задумчивым взглядом. – А что, у меня настолько мощный чих?

– Можно и так сказать. – Он моргнул.

До шести вечера мы сидели втроем.

За это время я успела снабдить Карла невероятным количеством самой разной информации о Шолохе – полезной и не очень. С моей подачи мальчик, кажется, всей душой влюбился в наш город.

Дахху не отставал, разбавляя мои бытовые байки историческими комментариями.

Карлу особенно понравились рассказы о богах. Он аж розовел от удовольствия, слушая про шестерых хранителей.

– То есть боги реально существуют?!

– Однозначно, – Дахху авторитетно кивнул.

– А с ними можно встретиться? – В глазах Карла плескался восторг.

Дахху покачал головой:

– К сожалению, нет. Они ушли из Лайонассы две тысячи лет назад и теперь путешествуют... где-то.

– Или уже вернулись, но сохраняют инкогнито, – подмигнула я, увидев, какое горькое разочарование проступило на лице мальчишки.

Не хочу быть той, кто рушит сказки!

От моих слов Карл встрепнулся:

– Я бы хотел увидеть кого-нибудь из них! Получается, они бессмертны? И всемогущи?

– Не факт. – Дахху задумался. – Боги-хранители – лишь промежуточное звено между людьми и Непостижимым Отцом. Например, жизнь создали не они. Поэтому, возможно, и лишиться ее они могут наравне со смертными. Мотив потерянной магии также часто встречается в легендах... Но я надеюсь, все хранители в порядке. Лично мне приятнее жить в мире, где боги есть, – друг улыбнулся.

– А драконы? – Мальчик не отставал. – На них можно посмотреть?

– Можно, потому что они в Лайонассе. Но сложно, потому что ящеры спят на самом севере, накрытые магическим куполом.

– Почему?

– Они очень старые, Карл. Они устали. И им грустно без хранителей.

– А разбудить их можно?

– В теории – да, если найти способ попасть под купол. Но и тогда я сомневаюсь, что это хорошая идея. Драконы уснули после того, как сожгли Мудру – столицу Срединного го-

сударства. В некотором роде это была демонстрация разочарования ящеров во всем человечестве... Боюсь, того, кто их разбудит, они тоже сожгут. Если только у него не окажется по-настоящему важной причины для такого святотатства.

– Какой, например?

Дахху задумался.

– Не знаю, – покачал он головой. – Нужно что-то поистине вселенское.

* * *

– Кстати, ты прояснила вопрос с Иноземным ведомством? – любопытствовал Дахху, провожая меня на первый этаж.

– Я... Я тебе потом расскажу.

Друг почуял неладное и задумчиво сощурился, глядя на меня. Я болезненно скорчилась: сейчас начнется допрос. Но вместо этого Дахху некстати воскликнул «О, точно!», выхватил из кармана записную книжку и, черкая в ней на ходу, ушел. Мне казалось, что над головой у него аж маг-фонарь сияет – как рисуют в комиксах, когда кого-то осенило.

Хм. Ну ладно.

* * *

На этот раз крусты не стали досаждать мне.

Только в самом конце, уже у городской дороги, один леший выскочил перед самым носом.

– Хоз-з-зяин с тобой не зако-о-ончил... – прошепелявил он.

Я показала ему кукиш.

8

Охота на Баргеста

Иметь большие амбиции и ничего не достигнуть – встречается частенько. А вот чего-то достигнуть, не имея больших амбиций – слабо верится!

Мастер Авен Карлиннан, Глава Иноземного ведомства

На Шолох надвигалась беспощадная майская гроза.

Воды Нейрис потемнели и приобрели пугающий свинцовый отблеск. Свирепые волны бились о гранитные берега, будто зверь, рассердившийся на весь род людской. Злые молнии немилосердно кололи темный небосвод – пока еще вдали. Пусть и запаздывающий, но страшный грохот подгонял немногочисленных горожан.

Я плотнее запахнула плащ и ускорила, проскальзывая по замшелым камешкам моста. Электрическая вспышка высветила деревянный знак: «Мост Бесконечного Полета». Вы не подумайте: он так назван потому, что над ним постоянно кружат чайки, а не из-за тех злополучных самоубийц-студентов...

До места встречи с куратором оставалось пройти метров сто, но в крошечной темноте, ведь на время грозы столичные власти отключают уличные фонари. Говорят, магиче-

ские сферы притягивают молнии – небезопасно!

Я отцепила от ремня керосинку. Большинство шолоховцев предпочитает подсвечивать путь при помощи травы осо-
мы, а я люблю живой огонь – в непогоду от него теплеет на
душе.

Оранжевый язычок пламени высветил чистую зелень
листвы, агатовые слезы мостовой, пару лупоглазых лягушек,
квакнувших мне вслед нечто недоброе.

Я еще поднажала. Но от крупных, все учащающихся ка-
пель дождя вовремя укрыться не удалось – до моста я добе-
жала с хлюпающими от воды сандалиями.

– Отличная погодка для охоты на баргеста, как счита-
ешь? – вместо приветствия бросил мне Полынь.

Я позавидовала его сапогам.

Куратор ждал меня, облокотившись на парапет. Он кол-
довал, творя над водой иллюзорных бабочек, за которыми
с визгом и хохотом гонялись ундины. Эти раскрепощенные
голые девицы с рыбьими хвостами восторженно ловили на-
секомых и громко аплодировали, когда те снопом искр схло-
пывались в воздухе.

Сценка, уместная скорее жарким полднем, нежели
ненастной ночью. Но, кажется, никого из участников это не
смущало.

– Я так погляжу, у тебя тут своя охота, – фыркнула я. Од-
на из ундин уже активно посылала куратору воздушные по-
целуи.

Он равнодушно пожал плечами и отвернулся от рыбины.
– Ну что, во дворец? – зевнул Полынь.

* * *

Дриада Цфат сдержала слово и придумала для нас убежище.

Она предложила проследить за баргестом из платяного шкафа, в котором одна створка была ажурной – то есть при должном старании просматривалась насквозь.

– Господин Полынь, госпожа Тинави, вам удобно? – вежливо спросила парикмахерша, с трудом закрывая за нами двери шкафа: места для двоих было маловато.

– Да, переживем, – крикнула я.

– Вполне, – сдавленным голосом подтвердил Внемлющий.

В следующие пять минут, пока мы пытались устроиться поудобнее, я успела дважды заехать ему локтем в глаз и, кажется, тем самым приблизилась к потенциальному рабочему выговору.

Но обошлось. Спасибо баргесту, который внезапно пресек нашу возню и нытье. Со всей той наглостью и самоуверенностью, на которую способны одни лишь потусторонние тварюги.

Сначала по комнате прокатилось тихое, картавое «р-р-р-р-р». Мы его проигнорировали, потому что в этот момент Полынь популярно объяснял мне, что свобода одного закан-

чивается там, где начинается нос другого.

– Р-р-р-р-р! – разнеслось уже куда более уверенно.

Полынь замолчал и прильнул глазом к дырке в дверце. Я сделала то же самое, уровнем пониже.

Огромная черная псина стояла у окна. Мускулы на спине перекатывались, глаза алели. Лоснящаяся черная шерсть, волосинка к волосинке, блестела даже при очень тусклом свете. Я была бы готова душу поставить на то, что это настоящее животное, если бы не один нюанс: лапы собаки чуть-чуть проваливались в пол. Дух немного не рассчитал позицию для полной убедительности.

Цфат сидела на кровати, поджав коленки к груди, и таращилась на баргеста во все глаза. Впрочем, дриада казалась довольно спокойной. Немудрено: во-первых, она видит собачку уже в четвертый раз. Во-вторых, в засаде сидят brave Ловчие.

В эту секунду brave Ловчий мужского пола распахнул дверцу шкафа.

Выскочив перед баргестом, куратор начал плести заклинание, быстро меняя положение рук: он сгибал и разгибал пальцы, заламывал запястья, неистово вращал ладонями. Это напоминало Разгадку Большого Билла – штуку, которая позволяет заглянуть под иллюзию, если таковая есть.

Баргест между тем начал увеличиваться в размерах и сокрушенно выть.

Его вой проникал в самое сердце – лишал тебя надежды

на малейший лучик света, разъедал изнутри и выворачивал наизнанку.

Я вздрогнула от охватившего меня ужаса. Перед глазами возникли картины самых тоскливых и позорных ситуаций в моей жизни...

Пес рос и занимал все больше места. Я же наполовину пребывала в шкафу: стояла в створках, но уже отворенных. Будто кукушка в заевших часах. Калейдоскопом проворачивающиеся неприятные воспоминания лишили меня всякого желания шевелиться.

Когда одна из лап псины увеличилась до того, что «встретилась» с моей ступней, баргест с негромким хлопком исчез...

О-оу. Значит, моя тотальная антимагия нейтрализует не только ташени.

Полынь, ругнувшись, постарался поскорее «погасить» закливание. Потому что унни – штука опасная. Если уж ты припахал ее под свои цели, то бросать посреди дороги нельзя. Изволь довести дело до конца или же мастерски спустить на тормозах – а то всепронизывающая энергия надает тебе по щам. Вселенная ненавидит бессмысленность.

Когда все было позади, Цфат осторожно поднялась с кровати.

– Это и есть мой баргест, – со вздохом сказала дриада. Будто мы нуждались в пояснениях!

– Он настоящий, – подтвердил Полынь, подозрительно до-

вольный.

– Ты же не довел до конца заклинание? – спросила я с содроганием.

С содроганием – потому что сейчас мы наверняка поднимем столь неприятную тему, как «почему волшебная собачка пропала, коснувшись Тинави?».

– Когда пес завыл, все стало очевидно. Ни одна иллюзия не влияет на психику столь сокрушительно. Так что, Цфат, я вас поздравляю – вам является настоящий дух! – весело сказал Полынь. И тотчас поправился: – Вернее, сочувствую. Мы выясним, почему баргест приходит, и предпримем все необходимое, чтобы предотвратить несчастье.

– Спасибо, – кивнула дриада. На глазах Цфат выступили блестящие слезинки. Шикарные волосы окутали ее, словно плащом.

Полынь вышел в центр комнаты и достал из складок одеяния стеклянный шар пурпурного оттенка. Ловчий критически осмотрел его, подышал на стекло, протер рукавом. Потом поднял шар высоко над головой и попросил нас с дриадой замереть. Из шара донесся глухой хлопок. Всю его поверхность заволокло искрящимся туманом.

– Мы будем держать вас в курсе расследования, – пообещал на прощание Полынь.

Когда мы вышли в коридор, я осторожно ткнула пальцем в стеклянную диковину:

– Что это?

Внутри лиловой мглы, будто в драконьем яйце, набухало движение.

– О, это прекрасная штука, разработка Дома Внемлющих. Называется «имаграф». Он позволяет перенести внутрь стекла изображение места, где ты находишься. Что-то вроде картины, но круглой. Уже готово, посмотри.

Полынь протянул мне имаграф.

Звездчатый туман расчистился. Внутри проявилась – совсем как наяву – комната Цфат. Стены, окна, мебель, книги и парикмахерские инструменты – все перенесено в мельчайших деталях. Мы с куратором и дриадой тоже присутствовали в этой игрушечной спальне.

– Здорово как! – ахнула я.

– Ага. А теперь удержи палец на... Ну на своем лице, например. – Полынь подмигнул.

Я послушно ткнула мизинцем в шар. Прошла секунда – и мое лицо в имаграфе начало увеличиваться, как пойманное на удочку. Ойкнув, я поскорее отдернула руку, отпустив натяжение.

На картинке у меня была такая оторопевшая и виноватая рожа, что любой заподозрит неладное. Не стоит ее приближать!

Но Полынь так и не спросил про исчезновение баргеста. Повезло.

– Чудесная штука, – подытожила я.

– Чудесная и очень полезная, – согласился куратор. – Все

детали сложно удержать в памяти, а имаграфы позволяют вернуться к анализу в любое время.

Я только головой покачала.

Ох уж эти Внемлющие! Самый технически подкованный Дом Шолоха.

Кстати, надо будет особенно подчеркнуть для Кадии, что Полынь принадлежит к этому семейству, и всласть похихикать над ее вытянувшейся физиономией.

Дело в том, что Дом Мчащихся (который возглавляет ее отец) и Дом Внемлющих соперничают. Враждовать кому-либо в Шолохе не позволяет воспитание, но, если бы мы жили в Иджикаяне, например, то эти кланы уже давным-давно перерезали бы друг другу глотки.

Интеллектуалы против политиков... Конкуренция длится со времен Срединного государства, и никто пока не одержал верх.

Хотя само Срединное государство, земля наших предков, уже давно погибло...

Когда-то, на заре времен, оно было сильнейшей империей Лайонассы. Его основали шестеро богов-хранителей. Бессмертные дети Отца, они жили среди людей, чем оказали срединникам величайшую услугу. Боги учили срединников магии, медицине, наукам и искусствам, оберегали их и помогали найти свой путь.

Но всякая сказка кончается. Так, однажды боги ушли («Другим мирам тоже нужна наша помощь»), и Средин-

ное государство осталось без покровителей. Несколько веков спустя его уничтожила соединенная армия западных королевств и драконов.

Выжили только те, кому в указанное время довелось проходить обучение на островах народа шэрхен. Именно та горстка людей – не больше пяти десятков – положила начало будущей истории Шолоха.

Долгое время сироты-срединники жили у шэрхен, увеличивая популяцию и перенимая у островного люда их культуру, традиции и привычки. А в шестнадцатом столетии рискнули вернуться на материк.

Здесь, в самом сердце Смахового леса, они основали новое государство, ничуть не стесняясь воздвигнуть королевский дворец прямо поверх некрополя.

Потомки тех переселенцев и являются сегодня представителями семнадцати знатных Домов. У каждого Дома – своя фишка.

Так, когда видишь кого-то из Внемлющих – беги, не то он заставит тебя часами слушать новости из научной сферы.

Очень странно, что Полынь, выходец этого дома, выглядит и одевается так архаично. Косточки на шее, небо голубое, он же носит косточки животных на шее!..

И зачем только?

Пока я размышляла, мы с куратором неспешно шли сквозь ночные дворцовые коридоры. Наши равномерные шаги поддакивали ритму сердца. Внезапно впереди мигнул

чей-то фонарь.

Мгновение спустя перед нами стояла невысокая, крепко сбитая девушка в походной одежде: штаны из грубой ткани, льняная рубашка, кожаная жилетка с накладными карманами. Русые волосы девушки перетягивала резинка с диковинными очками на макушке – как у ныряльщиков. У очков были толстые зеленые стекла и коричневая оправа – круглая, широкая, железная.

В одной руке девушка держала лампадку, в другой – яблоко.

Заразительный хруст расколол тишину коридора, когда плод подвергся укусу...

– Йоу, Полынъ! – сказала девушка и рукой с яблоком деловито отдала честь.

– Правой, Андрис. Честь отдают правой рукой, – мягко поправил ее куратор. Девушка ничуть не смутилась замечания:

– Не занудничай. Почему ты опять во дворце? Тем Самым Делом занимаешься?

– Нет, сегодня другая работа. Кстати, познакомься, это Тинави, мой «малек».

Андрис приподняла фонарь и в его свете осмотрела меня с головы до ног. Она ничего не пропустила: ни тканые ремешки сандалий с цветными стекляшками, ни кулон в виде ловца снов, ни нервную улыбочку – мою фирменную.

Удивительное дело, но в исполнении девушки «осмотр»

не был оскорбительным, как, знаете, бывает при встрече новичков. Было видно: она просто хочет ухватить максимально много информации за раз. Я невольно расправила плечи. Удовлетворившись осмотром, любительница яблок кивнула, потом с грохотом поставила фонарь на пол и протянула руку.

– Будем знакомы. Я Андрис Йоукли, Ищейка.

Даже при скудном освещении было видно, какие розовые и круглые щечки у Андрис.

Хм. А я-то думала, все Ищейки должны быть «шкафами», умеющими с одного удара уложить злостного преступника! Андрис же едва дотягивала мне до переносицы и вообще скорее походила на очаровательную бакалейщицу.

– Обращайся, если нужна будет помощь, – девушка кивнула мне дружелюбно и в то же время очень резко, по-деловому. – Знаю, как непросто живется «малькам». Работы ку-ча, разъяснений – ноль.

Потом Ищейка еще раз сказала «Йоу!», подняла фонарь и энергично засемила прочь. Хруст яблока в темноте отмечал ее путь.

Полынь фыркнул ей вслед и поманил меня в боковой рукав коридора.

Чувствуя, что должен как-то прокомментировать встречу, он объяснил:

– Андрис работает в Иноземном ведомстве уже пять лет. Отличный профессионал и, как по мне, самый нормальный человек во всем министерском квартале. Можешь ей дове-

рять.

Я кивнула, а потом замялась:

– Слушай, Полынь... А Ищейки – они как бы наши подчиненные?

Он улыбнулся. Колокольчики в волосах зазвенели:

– Ну, можно и так выразиться. Но! Скажи такое самим Ищейкам – обидятся. По факту, да, именно мы даем им задания. Но многие вещи, с которыми шутя справляется Ищейка, не под силу даже лучшим Ловчим. Таким, как я, например, – добавил он самодовольно.

– Значит, не врут? – воодушевилась я.

Сузившийся было коридор снова расширился. Впереди замаячил холл, пост охраны и двери на улицу.

– Ты и впрямь мастер своего дела?

– Как минимум я иду к этому, – посерьезнел куратор. – Не вижу смысла заниматься какой-либо работой, если не планируешь стать в ней номером один.

Следующий вопрос я постаралась задать как можно более «невзначай»:

– Кстати, а Лиссай, он что, правда принц?

...Но получилось... скорее... как можно более невпопад.

– Долго ж ты терпела! – Полынь расхохотался.

Смех его отскочил от стены и помчался прыгать по арочному своду холла. Стражники недовольно скривились.

Куратор продолжил:

– Да, правда. Но об этом потом расскажу.

– А про То Самое Дело расскажешь?

Ловчий покачал головой:

– Сейчас пора спать, Тинави.

Мы вышли из дворца, и на улице, как по заказу, сразу же послышался бой часов.

Сначала раздались громкие удары дворцовых курантов, потом к ним присоединился переливчатый звон с башен Академии, из Водного управления и Казначейства... Секунд тридцать весь город дружно отбивал час ночи. «Бо-о-о-о-о-о-м-м-м», – где-то на нижней границе слуха подытожил колокол Ратуши, который за этот басовитый звук прозвали Толстяком Бенджи.

Все стихло.

– Обожаю Шолох, – хмыкнул Полынь. – Девяносто процентов населения встает на работу спозаранку, но даже ночью каждый час мы упорно слушаем этот концерт.

– А мне нравится, – пожала я плечами.

– А мне нет. Завтра утром жду в моем кабинете.

Полынь сделал несколько шагов и... исчез.

Во всяком случае, мне так показалось. На самом деле, вероятно, он скрылся за деревом – еще днем, в зеленом лабиринте, я убедилась, что куратор не ищет легких путей. Я буркнула в пустоту «до встречи» и потопала дальше.

Если поторопиться и поймать кентавра, дома буду к двум. А значит, даже получу свою шестичасовую дозу сна.

Да здравствует здоровый образ жизни!

Водопады Иштвани

Комплиментам чужаков мы верим больше, чем похвале от близких.

Ее Величество Аутури из Дома Ищущих

Я проснулась оттого, что на меня вылили ушат воды. Слава хранителям, хоть не ледяной! А все же приятного мало.

– Какого праха?! – взвыла я, подскакивая.

Многочисленные пухлые подушки, из которых я перед сном выстраиваю себе «гнездо», грустно осели под тяжестью воды. Запахло мокрыми гусиными перьями.

Передо мной стояла сияющая поганка Кадия. Сияющая в прямом смысле этого слова – подруга так качественно натерла форменные доспехи стража, что они аж светились, несмотря на рассветный полумрак комнаты.

– Утречко добренькое! – радостно возвестила Кад, элегантным жестом поправляя волосы. А потом еще раз. И еще.

Скоро ей придется спрятать локоны под шлем, где они будут безжалостно щекотать уши и шею. Вот подруга и наслаждается шевелюрной свободой, пока может.

– Я с крендельками – не серчай на побудку! – Кадия бросила мне на грудь бумажный пакет, благоухающий свежей выпечкой, а сама пошла в обход комнаты – раздвигать што-

ры.

Красная леска рассветного солнца исполосовала спальню, нашинковав сборную солянку из предметов мебели, надерганных со всего света.

Вернее, мне бы хотелось сказать – «со всего света».

На самом деле, надерганных в экзотических лавках По-таенного Рынка, где дивно разодетые торговцы с чарующими голосами и выверенными жестами одну за другой тянут золотые монеты из карманов зевак. Таскать вещи из других стран – затея для дураков, богачей и Ходящих (если сплетни не врут и железнолицые действительно умеют *прыгать сквозь пространство*).

Марах, отвернувшись от света, недовольно зауhal: филины все-таки ночные птицы. Появление Кадии не пришлось ему по вкусу.

– Крендельки – это хорошо. Но что-то больно напоминает подкуп, – проворчала я, выпутываясь из одеял.

– Ничего от тебя не скроешь, госпожа Ловчая! Тебя ведь пока еще не выперли, да? – Кадия неожиданно подскочила ко мне и по-хозяйски выхватила один сдобный полумесяц из пакета.

– Жадничать плохо! – строго добавила она, перехватив мой возмущенный взгляд. И резво отпрыгнула обратно.

Я заглянула в пакет. Теперь всего один крендель подмигивал мне глазком-изюмом. Я вздохнула:

– И на что ты хочешь сподвигнуть меня с помощью этой

жалкой взятки?

Кадия ответила с набитым ртом:

– О, тут все просто. Отправляйся сейчас на водопады Иштвани – там Дахху занимается чьягой. Ты же ведь тоже любишь этот недоспорт? Поразминайтесь вместе, потянитесь, «раскройте таз» и сделайте прочие глупости «просвещенных». А главное, Тинави, спроси у этого светила науки – что он собирается делать со своей рукой?

– А что не так с его рукой?

– Ну, ее бокки-с-фонарем пощупал, если помнишь. И хотя Дахху отнекивается, что-то тут нечисто. Вчера вечером в ресторане я слегла облила его локоть кипятком, а он даже не заметил. Прикинь! Я ему: Дахху, дружище, у тебя там уже пузырь вздулся, тебе, вообще, как? Он: а, что? О, небеса великие, а что с моей рукой? Парниша, конечно, всегда был рассеянным, но не настолько же!

Я нахмурилась:

– А почему ты сама с ним не поговоришь?

– Ну... – Кадия замаялась. – У нас вчера вышел кое-какой неловкий момент, и я не хочу пока видеть этого Смеющегося.

– Поня-я-тно, – протянула я. – Что ж, я действительно люблю чьягу. Но, учитывая, что ты разбудила меня на рассвете... Ох, Кадия, тут крендельком не отделаешься! Ты бы знала, во сколько я легла! Подкинь меня до места, и я расскажу тебе о бравых буднях департамента Ловчих.

– Заметано. Но если ты надеешься заодно вывести про нашу с Дахху размолвку – не выйдет. Предупреждаю.

Я пожала плечами.

Тоже мне, большой секрет!

Кадия уже много лет влюблена в нашего Дахху.

Точнее, как: на нее это болезненное чувство нападает периодами, как сенная лихорадка у аллергиков. Только чаще. И непредсказуемо.

То влюблена так, что аж руки трясутся, то принимает твердое решение «все забыть» и начинает активные поиски другой любви. Находит объект. Недельку наслаждается бабочками в животе. И снова-здорово: «Мне нужен только Да-а-ахху».

Ну а Дахху к пеплу никто не нужен – он же философ, поэт, историк, лекарь, безумный ученый и просто чурбан. Ему «романтика» слышится диагнозом.

Иногда Кадия это доводит, и в частных беседах она начинает намекать ему, что, мол, есть такая штука, как любовь, и это – хорошо. Обычно Дахху слушает ее дуб-дубом в течение получаса, а потом переводит разговор на другую тему. После этого Кадия пару дней дуется. И – вот это поворот! – отправляется на охоту за новой любовью.

Самые громкие ссоры случаются, когда Кадия дергает за язык как-нибудь завуалированно признаться в своих чувствах, а потом, так же завуалированно, пообещать, что Дахху пожалеет, если она «уйдет от него».

Но, так как наш носатый кудряш и это пропускает мимо ушей, скандалы, опять же, оказываются односторонними и проходят исключительно в голове Кадии.

Вот я даже не знаю, плохо это или как.

* * *

Подруга быстро довезла меня до места.

– Не подведи, Тинавушка! – напутствовала Кадия.

Я кивнула и трепетно сползла с ее лошадки по имени Суслик. Суслик явственно проскрежетала зубами мне вслед. Тяжело сглотив, я не рискнула обернуться.

Безобидная кличка лошади многих сбивает с толку.

Слушателям историй о Суслике чудится, что речь идет про очень нежное, хрупкое и милое создание. И когда подруга рассказывает, например, что ее любимица забила трехметрового горного тролля копытами, то все воспринимают это как преувеличение.

Ага, щас.

Скорее преуменьшение.

Суслик – жертва магических экспериментов по выведению новых пород. Бабушка этой кобылки (или как там называются лошадиные родственники) была эх-ушкье, то есть океанским водяным духом в облике лошади. Духом юрким, злым и красноглазым. Многие ругаются на живущих в Шолохе келпи: сетуют, что эти речные твари, питомцы ундин,

очень вредные, управы на них нет. Но по сравнению с настоящими эх-ушкье, обитающими в Море Ста Мертвецов, наши келпи – полная ерунда. Это как сравнивать саблезубого змея ливьятана с банальной гадюкой.

Суслик недалеко ушла от своих предков: огромное, чернильного цвета, животное, она скачет со скоростью ветра и на десерт потребляет мечи, отжившие свой век.

– Пожалуйста, сделай так, чтобы рука Дахху осталась на месте! – крикнула мне вслед Кадия таким голосом, будто это у нее что-то болело.

* * *

Водопады Иштвани – излюбленное место фанатов чьяги. Здесь, под рокот ниспадающей воды, особенно приятно выполнять различные асаны и медитировать.

Пригнувшись, я прошла под скалистым уступом. Естественный коридор был с одной стороны ограничен аметистовой стеной. С другой – шипящими потоками воды.

– Привет! – Выйдя на потаенную полянку, я нашла Дахху среди других практикующих. Дамы и господа в мягких свободных костюмах тянулись, выполняли танцевальные связки или просто лежали, созерцая небо.

Обстановка располагала.

Крохотные капельки воды висели в воздухе, бриллиантами оседали на ресницах. Форель скакала в глубокой, холодной

ной реке. Птицы пели в высоте, над водопадами, где с обрыва, любопытствуя, свешивались кудрявые ивы.

– Я присоединюсь?

– Конечно. – Дахху вышел из «позы дерева» и улыбнулся.

Его широкие штаны травянистого цвета и рубаха с завязочками при каждом движении дивно пахли хлорной известью, которой обрабатывают палаты в Лазарете.

Мы поупражнялись.

Я заметила, что друг избегает стоек с опорой на руки.

– У тебя болит рука? – спросила я. Он вздрогнул:

– С чего ты взяла?

– Это видно. Ты не даешь нагрузки запястьям. Левому.

– Я... – Смеющийся замялся. – Тебе показалось.

– Дахху, я что, полоумная бабка, чтобы мне что-то там казалось? Прикосновение бокки... Мало ли, к чему это приведет?

Друг пожал плечами и, сев на траву, стал педантично массировать ступни. Голову опустил низко, якобы увлеченный процессом.

Я упрямо села рядом и, вывернув шею, заглянула ему в лицо.

Дахху мгновенно натянул физиономию «у меня все под контролем». Поправил шапку (да, он в ней даже занимается, увы). Поправил шарф (и в нем, все верно). Отцепился от своих грешных ступней и, глядя в никуда, стал грызть фалангу указательного пальца.

Как пишут в букварях, «Р» – «Раздумье».

Я пошла в атаку:

– И что это значит?

Он сразу же капитулировал:

– Рука иногда немеет. И болит. Ничего страшного. В любом случае, я не хочу показывать ее лекарю. Это все испортит.

– Что испортит?

Взгляд его стал каким-то жалобным.

– Мои сновидения... – тихо сказал друг.

Майский ветерок сменил направление, и брызги водопадов окатили нас радужной пылью.

Вдруг Дахху прорвало:

– Помнишь, я сказал вчера, что у меня был «божественный сон»? Я имел в виду именно это. Бокки что-то сделали со мной. Раньше мне никогда ничего не снилось. Я думаю, это связано с тем, как погибли мои родители – тот волкодлак напал на нас ночью, и, если бы не рассвет – я бы тоже не выжил. Не люблю спать, сама понимаешь. – Дахху тревожно коснулся шарфа, под которым прячется один, но жуткий шрам.

Друг продолжил:

– И тут, после встречи с призраками, я начал видеть сны. Причем такие! Ярче реальности!

– И что там происходит, в этих снах?

– История! – возликовал Дахху.

Я опешила:

– Что?

– История. Я вижу Мудру – сожженную столицу Срединного государства. В ту эпоху, когда она еще процветала. Я вижу, как хранители жили бок о бок со срединниками. Тинави. – Он выдержал паузу. – Я вижу прошлое.

Я почесала макушку и завалилась на спину. Синее небо развело облаками, как руками, подтверждая: да, малышка, для меня это тоже неожиданный поворот.

Дахху не на шутку разволновался – вскочил и забегал, как укушенный:

– За эти ночи я успел подсмотреть за каждым из богов-хранителей. Я встретил сияющую Авену на волшебной рыбе, в золотых доспехах. Следил за шулером-Рэндомом. Я видел Карланона с двуручным мечом, на страже света, как всегда одинокого. Нежную Селесту. Веселую Дану. Я смотрел, как Теннет чутко вслушивается в небо, ждет опасности... Это просто невероятно! Я ходил вслед за богами, любовался... И все так четко! Я даже могу перечислить названия улиц, по которым гулял, представляешь?

– Ты настолько хорошо знаешь историю?

Дахху улыбнулся, польщенный моим предположением. Так хорошенькая девушка радуется комплименту о внешности – с легкой, знаете, снисходительностью.

– Нет, конечно! За все надо благодарить бокки. Это они показывают мне сны. Сопровождают меня. И я не должен ле-

читать руку, иначе сны пропадут и я не смогу выполнить свое предназначение.

– Какое предназначение? – Я напряглась, потому что ненавижу всякие фантазии про «избранных», «на роду написано» и прочее.

Человек сам вершитель своей судьбы, и точка. «Предназначение» в большинстве случаев – приманка извращенных сект.

Дахху явно смутился:

– Ты знаешь... Я решил все-таки написать «Доронах».

– ДА ЛАДНО?! – Я аж поперхнулась от неожиданности.

Друг смутился еще больше.

Я вскочила и саркастически захлопала в ладоши, удачно убив по ходу дела парочку комаров:

– Мы с Кадией талдычим, как попугаи, что тебе надо написать свою прахову энциклопедию, но ты понял, что это отличная идея, из-за снов? Да будь ты проклят, Дахху из Дома Смеющихся!

Он возразил:

– Эти сны очень убедительны. А главное – в них столько материала! Только успевай записывать, проснувшись. Причем я проверил несколько неочевидных фактов – и все сходится, Тинави! Это просто невероятно. Я приблизился к богам. – Он расплылся в блаженной улыбке.

Счастливый Дахху – зрелище нечастое. Я подивилась:

– Значит, бокки ратуют за народное образование?

Улыбка друга расширилась еще чуть-чуть и вдруг превратилась в гримасу боли.

– Эй! Ты чего?! – испугалась я.

Дахху вскрикнул. Схватившись за левую руку, он стал баюкать ее, как ребенка, закрыв глаза и что-то пришептывая.

– Дахху? – Я потянулась к нему.

– Не трогай! – рявкнул он не своим голосом и снова вскрикнул.

Кровь отхлынула от его и без того бледного лица. Из-под опущенных век покатились слезы. Но уже не- сколько мгновений спустя Дахху отпустил руку... Встряхнулся, проморгался и сказал нормальным тоном:

– Прости.

– Это вот так она у тебя немеет?! – Я с трудом подобрала челюсть.

– Все нормально... Мой организм адаптируется, это как акклиматизация, только в случае с потусторонней материей. Скоро пройдет, – невнятно пробормотал друг.

– Дахху. Тебе надо к врачу.

– Мне надо узнать всю историю богов, вот что мне надо, – быстро перебил он.

– Расскажи в Лазарете, что случилось. Если ты докажешь, что твой... мм... источник заслуживает доверия, там наверняка найдут способ избавиться от боли и притом оставить сны.

Друг упрямо помотал головой. Я продолжила:

– Тебе точно помогут! Ведь у нас так мало данных о расцвете срединников – и о богах! Всякий уважающий себя ученый, услышав твои новости, сам бросится обниматься с бокки. Все вместе вы наверняка найдете безвредный способ написать «Доронах».

Лицо Дахху окаменело.

– Вот именно, – тихо сказал он.

Я заметила, что привычные синяки под глазами Дахху потемнели еще сильнее после приступа. Кожа отливала зеленоватым воском.

– Вот именно, – повторил друг. – «Все вместе». Я не хочу писать «Доронах» с кем-то. Я хочу сделать все сам: сам раскопать, изучить, доказать и опубликовать. А потом признаться, что мой источник – бокки-с-фонарями. Это будет прорыв. И это будет сенсация.

– При условии, что ты до нее доживешь. – Я с беспокойством смотрела на своего бедного, бледного друга.

– Конечно, доживу. – Он трясущимися пальцами поправил кудряшки. Его грустные глаза с опущенными внешними уголками казались решительными, как никогда.

Я сменила тактику.

– Слушай, если ты хочешь признания, пиши о чем-то более... современном, – от души посоветовала я. – Займись бунтом Ходящих, например! Истории два года, настоящий свежак по меркам нашей заторможенной публики. А?

Он смерил меня гордым взглядом:

– Я не хочу глупого признания. Я хочу провести настоящее исследование.

– Ну вот! Так и исследуй реформу Теневого департамента. Опроси ту дюжину железнолицых, что сохранили работу. Навести осужденных в тюрьме. Найди изгнанников. Узнай, в конце концов, есть у них сверхспособности или нет. Разве это не интересно?

– Зачем мне какие-то дешевые сверхспособности, если я могу разобраться в истории самих хранителей? – Дахху возвел очи горе.

Я сдалась.

– Ладно. Разбирайся в чем хочешь, господин Помешанный. Но следи за здоровьем. Если с тобой что-то случится – Кадия разорвет меня на куски. Хотя нет: прежде с этим справится моя совесть.

Дахху еще немного поизображал каменного истукана, но потом махнул рукой и смягчился:

– Я постараюсь.

Мы попрощались.

Я со вздохом пошла прочь к лесному тракту. От водопадов Иштвани до центра Шолоха где-то полчаса езды. Нужно поторопиться, если я не хочу опоздать на работу.

Между тем рассказ Дахху оставил в душе неприятный осадок.

С одной стороны, мне категорически не понравился его приступ. С другой стороны, он же лекарь и вообще не дурак,

чай, сообразит, если ситуация выйдет из-под контроля.

Ну а если честно, я вообще не верю в его сны. Точнее, в их «историчность».

Как по мне, так мысль о том, что сны бывают пророческими, то есть навеянными высшей силой, которая заботится о тебе настолько, чтобы намеками подсказывать дальнейший путь – это большой самоутешительный обман.

Каждый из нас всю жизнь остается замкнут в рамках собственного разума. Идея, что в него могут залезать – по ночам, под покровом темноты – некие чужеродные сущности, дает позитивную иллюзию, будто человек не так одинок, как кажется. Это из той же серии, что сказки про чтение мыслей: якобы можно гулять по чужой памяти, как у себя дома – еще одна волнующая умы «дешевая сверхспособность»! Но нет.

Никто из нас не способен соединиться с другим разумом, никто не может напрямую познать порывы чужой души. Мы прибегаем к речи, к физическим контактам, к опосредованным эго-излияниям (литература, живопись, скульптура), чтобы приблизиться друг к другу. И все равно получается далеко...

А тут такой чудесный миф – ты спишь, и некто нашептывает тебе прямо в мозг! Ближе не бывает! Да еще и – ах! – помогает исполнить давнюю мечту: выдает горстями информацию, столь нужную для энциклопедии.

Ну-ну.

Прости, Дахху, но это не бокки читают тебе лекции, а про-

сто соображалка, наконец, включилась – столько лет спустя. Прикосновение бокки разбудило в тебе смелость. А она, в свою очередь, распахнула запертые подвалы со школьными знаниями – в тот момент, когда они могут тебе пригодиться. Не знаю, как именно это работает, но уверена, что объяснение «умных» снов проще, чем предложенное тобою.

Если в нашем мире и есть магия, то это не значит, что к ней надо апеллировать в любой непонятной ситуации.

Уж я-то знаю.

Наказание неизбежно

Выбирая себе убеждения, помните, что однажды они могут обернуться против вас.
Магистр Орлин

На работу я успела тютелька в тютельку.

Ровно к сроку стояла перед кабинетом мастера Улиуса вместе с остальными новобранцами.

Кабинет был заперт, в коридоре – ни души, кроме нас. Это резко контрастировало с главным холлом ведомства – вечно забитым людьми, наполненным шорохами бумаг и скрипом перьев. Здесь тишину отмеряло только монотонное тиканье здоровенных напольных часов, установленных в нише.

Я заметила, что в Иноземном ведомстве испытывали необъяснимое влечение к ходикам: за каждым поворотом обязательно прятались новые куранты. Всегда крупные, с серьезной, почти человеческой физиономией, сложенной из циферблата и стрелок. Неумолимый маятник мерно раскачивался за стеклом, а по серебряной ленте вдоль корпуса вились цитаты из Речения Теннета – книжки, написанной этим хранителем.

«Бойся тихой воды, тихой женичины и тихого врага».

«Лучший друг человека – собака, которая спит с одним

открытым глазом».

«Даже если все спокойно, это не значит, что ты можешь уйти с поста».

М-да, смелость в каждом слове...

Дело в том, что у всякого хранителя есть своя специальность. Например, Авена и Карланон – воители (но Авена скорее нападает, а Карланон – защищает). Рэндом – телепат и трикстер. Дану ответственна за чары и иллюзии, а Селеста – за флору и фауну. Теннет же – пророк и хранитель времени. Последнее звучит круто, но по факту в большинстве историй Теннет предстает нервным психопатом, который из-за своей природной «чуйки» (не имеющий ничего общего с колдовством) бьет в набат, насильно выталкивая братьев и сестер на битвы с условным злом.

Другие хранители его за это не слишком любят. Сложно любить того, кто постоянно заставляет тебя что-то делать.

Так и часы с его именем – не дают забыться... Тикают вдоль всего коридора.

Видимо, как-то раз ретивые завхозы заказали целую партию – штук сто, не меньше, и теперь рассовывают где придется. Знаменитая шолоховская запасливость в действии!

Я зевнула и перевела взгляд от часов на коллег-Ловчих.

«Мальки» не разговаривали. Кто-то сидел прямо на полу, читая, кто-то облокотился о подоконник и отрешенно оглядывал улицу. Лишь темноволосые братья-близнецы о чем-то тихо перешептывались. Их цепкие взгляды профессио-

нальных сплетников последовательно обшаривали каждого из нас.

– Так-так, говорит простак, утро доброе, доброе утро, дамы и господа! – зазвучал бас, от которого чуть не полопались осветительные аквариумы.

Секунду спустя появился и сам мастер Улиус. За ним Селия цокала сероваستنковой мышиной тростью.

– У кабинета не толпимся, излишнего почтения не проявляем, – рокотал начальник, отыскивая в кармане безразмерного плаща связку ключей. – Все пришли, никто не опоздал? Все пришли, отлично. Общаетесь? Не общаетесь. Хуже, но терпимо. Дружными Ловчие быть не обязаны. Что мне от вас надо – так это аналитические способности, упорство и скорость реакции. – Будто в подтверждение своих слов Улиус резко повернулся и обрушил стопку документов на стоявшую у него за спиной девушку.

Та от неожиданности едва не упала.

– Просыпаемся, мальки, просыпаемся! – еще громче возопил шеф.

От него так и несло безумной бодростью человека, любящего свою работу.

Я невольно приосанилась.

Мы гуськом прошли в кабинет и расселись по амфитеатру. Совсем как студенты в Академии. Я заняла самое левое место в дальнем ряду. Когда у тебя всего одно рабочее ухо, волей-неволей выбираешь угловую позицию с широким об-

зором: чтобы все были спереди и справа. Кадия в штуку называет это «стрелковой кочкой».

– Ну что, Тинави из Дома Страждущих. – Умопившись за столом, шеф без предисловий обратился ко мне. – Вижу, ты получила за вступительные тесты «отлично». Молодец-молодец, возьми с полки огурец! Сложно было Полыни сдавать?

Я немножко не поняла ситуации – когда это Полынь принимал у меня тесты? – но на всякий случай с улыбкой наклонила голову. А потом чуть-чуть повернула ее вправо-влево. Я надеялась, что истолковать такой жест можно по-разному: может, да. А может, нет. Может, шею разминаю. Или вообще не услышала вопроса и неловко шевелю конечностями, выигрывая время.

– Да-а-а, – радостно продолжил Улиус, выбравший толкование номер один. – Твой куратор – зверь, девочка! Но ты справились! Поздравляю! А ну-ка все похлопали!

Все кисло похлопали.

Я чувствовала, что еще немного – и от стыда провалюсь под землю.

Получается, тот же человек, который устроил меня на работу, еще и подделал результаты тестов? В реальности я бы никогда не сдала «магическое искусство», так что теперь речь идет о полноценной фальсификации.

С ужасом я перехватила взгляд Селии – холодный, напряженный.

Она что-то подозревает. Или боится, что я туповата для должности – после моих-то игрищ с шеей!

Мастер Улиус начал читать лекцию.

Согласно программе, три раза в неделю нас, новеньких Ловчих, накачивали знаниями лучшие умы ведомства. Улиус поставил себя лектором на добрую половину занятий. То ли очень хочет считаться «лучшим умом», то ли обожает учить, пока неясно.

Сегодня он вещал о культуре и традициях народов Лайонассы. Интересно, но не слишком – пересказывать не буду.

– Эй, пс-с! – справа от меня раздался шепот. – Как тебе с Полынью работается, а?

Я повернулась. Один из близнецов. Хитрая улыбочка, жажда сенсации.

– А что?

– А ничего. Нормальный мужик-то хоть?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не каждый так возгордится, что попробует заиметь свой портрет в Галерее Генералов! – Парень поправил бархатный галстук-бабочку на шее и подмигнул.

Мне стало любопытно. Я постаралась подстроиться под интонации собеседника, чтобы он рассказал мне больше:

– Че за галерея-то?

– Ты че. Галерея Генералов, на первом этаже. Статуи, портреты. Все изображают Генералов Улова – тех, кто раскрыл больше девятисот девяноста девяти дел за два года.

– Ого. И что, Полынь хочет стать Генералом?

– По-любому хочет! – Близнец рубанул воздух ладонью, подтверждая серьезность своих слов.

На кафедре мастер Улиус рокотал про свадебные обряды фей.

Новичок окинул его скучающим взглядом, зевнул и продолжил:

– Быть Генералом – круче не придумаешь. Слава, почет, надбавка к жалованью. А еще – аудиенция у короля и право одной королевской просьбы. Говорят, вообще любой: на какую наглости хватит. Хоть поместье себе проси, хоть жену из Ищущих! – Близнец замысловато подвигал бровями.

Видимо, это должно помочь мне представить все плюсы обладания женой из королевского рода.

– И у Полыни как раз скоро будет два года службы. Пашет не по-детски, чтобы девятьсот девяносто девять дел раскрыть! Прикинь, как в ведомство пришел, мальком, так сразу задал жару. Мужик знает, чего хочет, уважаю. Вот только Селия его ненавидит, вешает на него сплошь всяки и мелочовку с окраин королевства. Пока туда доедешь, уже и день пропал. При этом обычно генералами становятся большие начальники с кучей подчиненных, а Полынь работает сам. Хотя теперь у него есть ты, а-ха-ха!

– А-ха-ха! – вяло я поддержала энтузиазм коллеги.

Информация была, безусловно, любопытной. Н-да, не повезло Полыни – в кои-то веки обзавелся помощницей, а она

– я. Сочувствую.

Близнец продолжал нашептывать сплетни, густые, как гномье хмельное варенье. Я прислушалась – будет полезно узнать о Поляни как можно больше.

– ...В общем, из-за этого дела он совсем озверел. Если оно ему нарушит всю малину с Галереей Генералов – чую, порвет он Селию, как тузик грелку.

– Отвлеклась, извини. Повтори, из-за какого дела?

– Да из-за того, безнадежного. Или Того Самого. Как тебе больше нравится. Да Полян тебе сам уже рассказал, небось? – Близнец снова подмигнул и задергал свою грешную бабочку. Флиртует, что ли?

– Хочу твою версию услышать, – нашла я.

Малек-коллега плотоядно улыбнулся и зашептал еще жарче:

– Ну, Селия выдала Поляни висяк, который уже несколько недель болтался по разным департаментам и его, прикинь, все игнорировали. Сначала вообще не поняли, что это преступление, потом не могли решить, кому им заниматься. Потом, когда скумекали, что речь о серийных убийствах – засуетились, конечно. Но времени, времени-то сколько прошло! И улик по нулям. А Селия бац – и Поляни его сбagriла под одиночное расследование! Нет чтоб комиссию созвать!

Малек продолжил:

– Селия такая злобная с тех пор, как пришлось оперативную работу из-за травмы бросить, вообще беда. Мне бы тоже

не понравилось с костылем валандаться, понимаю. Но стопорить нормальному мужику карьеру – это по-свински!

– Почему стопорить?

– Ну, двухлетний срок у Полины через две недели закончится. Чтоб Генералом Улова стать, надо заявку подать, что начинаешь гонку. И среди твоих девятисот девяноста девяти дел не должно быть ни одного нераскрытого. Если к тебе что-то присобачили официально – изволь разобраться. А с этими убийствами... Ой вряд ли.

Близнец авторитетно покачал головой.

Я недоумевала:

– А почему Селия так ненавидит Полюнь?

– КХЕ-КХЕМ. Тинави, Гамор, это что такое? Дружка нашла, голову потеряла? Мила девица дороже знаний? – За перешептываниями я не заметила, когда подошел и грозно навис над нами мастер Улиус.

Рыжая курчавая борода шефа пахла детским мылом.

Он загудел:

– Я человек добрый, но болтунов на дух не переношу. В качестве штрафа будет вам по дополнительному заданию на неделе. Да не от ваших кураторов, а от меня лично. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Мы извинились.

Мастер Улиус еще пару минут разглагольствовал о том, как нехорошо перешептываться, вместо того чтобы «погружаться в великолепный источник пламенеющих знаний», а

потом продолжил лекцию.

Я опять наткнулась на подозрительный взгляд Селии. Хотела по привычке отвести глаза, но сдержалась.

Глава департамента Ловчих сказал бы: «Враг моего друга – мой враг». Видимо, визитку вчера Селия дала мне для доносов на куратора...

Не знаю, чем уж там Полынь насолил этой даме, но, пожалуй, я буду на его стороне. На всякий случай. Раз уж он такой крутой, что даже ундинам и болтливым близнецам нравится.

* * *

После лекции «мальки» отправились к своим кураторам – помогать.

Я спустилась на второй этаж, отведенный для чиновников среднего звена, и нашла кабинет Полыни. В верхнем правом углу деревянной двери было криво выцарапано: «Удачи! Мы тебя любим!». И сердечко.

Я усмехнулась.

Генерал Улова, значит...

Зайдя внутрь, я присвистнула: до звания чистюли куратору ой как далеко! Помещение было завалено до потолка.

Тут находились: большое некрашеное бюро, засыпанное документами, два глубоких кресла с вытертыми подлокотниками, пара неудобных стульев, шахматы, раскиданные на журнальном столике, и несколько хаотично стоящих шкафов

с распахнутыми дверцами. Будто их занесли в помещение, а потом поленились нормально поставить и бросили посреди комнаты.

На полу стояли ящики с уликами, валялись берестяные стаканчики из-под напитков. Стопки газет опасно кренились по бокам. Подоконник оказался куда шире обычного, с расстеленным на нем клетчатым пледом, несколькими подушками и апельсиновым деревом в кадке. На пробковую доску вполстены были приколоты десятки ярких бумажек с заметками.

При всем этом бардаке кабинет выглядел до странности уютным.

Внемлющий, кажется, проводил тут сутки напролет: в углу комнаты примостилась выцветшая раскладушка. Подушку украшала тарелка с остатками сэндвича.

Я окликнула коллегу:

– Полян?

Где-то за шкафом послышалось недовольное кряхтение.

– Я пришла помогать.

Куратор вылез мне навстречу, разминая затекшие руки и ноги:

– Ах да. Привет. Ну что, сегодня пойдешь на свой первый арест.

– В смысле?

– А что, думаешь, Цфат будет и дальше стричь королевскую семью? Преступникам место в тюрьме.

В ответ на мой недоуменный взгляд Полынь тяжело вздохнул. Задумался на секунду, потом нырнул под стол и вылез оттуда со вчерашним имаграфом.

– Что ты видишь? – Полынь протянул мне шар, похожий на маленькую планету.

– Дурацкое выражение на собственном лице. Да и поза подкачала... Будешь еще имаграфом пользоваться – позволь мне сначала выйти из комнаты, ладно?

Он пропустил замечание мимо ушей и нетерпеливо побарабанил пальцами по шару.

– Опиши мне спальню дриады.

– Небольшая. Одно окно. Чисто убранная, в отличие от этой. Много парикмахерских инструментов...

– Расскажи о них подробнее. Можешь приблизить.

Я сделала, как он велел. Картинка внутри шара дернулась и поехала под моими пальцами.

Я пожала плечами:

– Цфат хранит все в идеальном состоянии. Ножницы вычищены до блеска, нигде не пылинки. А еще все новое, выглядит очень... современно, что ли. Не жалеет дриада денег на материалы.

– Вот именно. А теперь посмотри на этажерку у окна.

В указанном месте у парикмахерши лежали гребни. Разноплановые и очень красивые. Вдруг мой взгляд наткнулся на уродца...

Небольшой костяной гребешок с редкими зубцами казал-

ся лишним в этом ряду. На рукоятке не хватало нескольких камней.

– Видишь, да? – Полынь глянул на меня с азартом. – Приблизь еще!

При максимальном увеличении стало видно, что на гребне стоит монограмма: инициалы А.И. в короне, венчающей дерево. Я протянула долгое «М-м-м?», но куратор упорно молчал. Было ясно, что Полынь меня экзаменует: он хитро щурился и ждал, что скажу. Я сосредоточенно наморщила лоб.

Вскоре меня осенило:

– Королевская эмблема! А.И. – это случайно не Аутурни из Дома Ищущих?

– Именно, душа моя! – Куратор потер ладони. – Гребень принадлежит королеве. То, насколько плохо он выглядит, свидетельствует об одном из двух: либо это дешевый, потасканный аксессуар; либо – антикварная ценность, которую не пощадило время. Учитывая Аутурни в уравнении – второе. Я отправил Ищеек во дворец, чтобы они проверили догадку, и оказался прав: зимой у королевы пропал гребень, которым она пользовалась еще в детстве. Так же, как ее мама, бабушка и другие женщины рода Ищущих. Обнаружив пропажу, горничные испугались, что их накажут за неосмотрительность, и промолчали: понадеялись, что Ее Величество еще не скоро вспомнит о гребне, а может, и не вспомнит вовсе. Что и произошло.

– Ты думаешь, Цфат стащила королевский гребень? Она, конечно, фанатка своего дела, но воровать?

– Тем не менее своровала. И я знаю, почему.

Полынь с размаху плюхнулся в одно из замшевых кресел. В воздух взвилось облачко пыли.

Куратор искрился удовольствием, объясняя:

– Дриады верят, что волосы хранят нашу энергию, удачу и «ген сильных сторон», если так можно выразиться. Хочешь ослабить человека – укради его прядь и сожги. Хочешь ему добра – возьми его волос и обвяжи вокруг ветки дуба. Хочешь выглядеть, как он, – используй его гребень для себя.

Я представила королеву Аутурни, которую мельком видела на паре государственных праздников. Одна деталь вспоминалась очень ясно: шикарные волосы. Ее Величество могла завернуться в них целиком, было бы желание. А от блеска ее локонов слепили глаза, как поют менестрели.

Я ахнула:

– Цфат хотела волосы, как у королевы, и поэтому пошла на кражу?

– Да. И она преуспела. Ты помнишь ее прическу? Тоже ведь ничего так. И, по свидетельствам очевидцев, волосы отросли за пару месяцев. Очень интересно, не находишь?

Я уселась во второе кресло – фиолетовое – и подтянула ноги к груди. Так мне лучше думается.

– Получается, из-за этого баргест явился к Цфат? Дриада вместе с гребнем заполучила частицу королевской энергии

и стала как бы «своей», сошла за срединника?

Куратор довольно кивнул:

– Умничка. Да, как всегда, все дело в унии. У каждого существа – муравья, человека и бога – есть свой энергетический отпечаток, и магические твари ориентируются в первую очередь на него. Ну, что ж, дело закрыто. Иди во дворец.

Полынь вручил мне предписание на арест и наручники, а потом, как ни в чем не бывало, залез на подоконник, накрылся пледом и углубился в изучение каких-то документов.

Я растерялась:

– погоди. Но ведь это не такое страшное преступление – украсть старый гребень! Может, не надо ареста?

– Так. – Куратор вздохнул и со значением посмотрел на меня. – Я скажу это только один раз, но запомнить ты должна навсегда. Шолох – правовое государство. Наказание за нарушение закона у нас неизбежно. Это, считай, основа основ. Любой должен понимать: пошел на преступление – заплатишься. Иначе люди станут надеяться: ой, а вдруг не поймают, а вдруг пожалеют... Нет. Мы поймаем и не пожалеем. Иначе все покатится в тартарары. И можешь не волноваться – Цфат грозит всего лишь дюжина дней тюремного заключения, потом – свобода и никаких записей в трудовой. Дело и впрямь пустяковое.

– Хорошо, – кивнула я. – Мысль про неизбежность наказания мне нравится.

Говоря это, я скрестила пальцы за спиной.

– Вот и я люблю порядок, – кивнул куратор и небрежно бросил на пол прочитанный документ.

Наверное, тоже пальцы скрестил.

* * *

– Нет! Не надо! – шарахнулась от меня дриада, когда я выдвинула ей обвинения.

– Мне очень жаль, Цфат. Но вы пробудете в тюрьме совсем недолго. Это как в угол встать – неприятно, но не смертельно. – Я обошла побледневшую парикмахершу и достала наручники.

Когда они оказались на запястьях Цфат, пришло время побледнеть мне... Праховы наручники запирались волшебством: чтобы открыть их, нужно было приложить магический замок к татуировке Ловчего.

Тресни эта земля окаянная!

Уже при самостоятельном проходе во дворец у меня возникли трудности из-за отказывающегося сиять изображения. В итоге гвардейцы согласились пропустить меня по обычному значку. («Это новая татуировка, господин. Ей нужно время, чтобы активироваться».)

Но завязанные на магию наручники! Такого подвоха я не ожидала.

Цфат оглянулась и узрела мою обескураженную рожу над неработающими наручниками. Изображение медведя на них

– символа тюрьмы – едва слышно похрапывало в ожидании, пока его разбудят должным образом.

Дриада потребовалась доля секунды, чтобы оценить обстановку. После этого парикмахерша пнула меня, распахнула дверь в коридор и помчалась прочь, поскрипывая сочленениями.

Я, проклиная все на свете и потирая колено, заковыляла вслед.

Наша гонка по дворцу напоминала смешные истории в картинках из воскресных журналов. Дриада бежала молча, сосредоточенно, искала выход. Я прыгала за ней на одной ноге с дикими воплями «Вы арестованы!».

Прахово колено, кажется, выскочило из сустава. Я еле тащилась, а дриада, наоборот, скакала, как горная козочка.

Из комнат начали выглядывать любопытствующие. Они не спешили помочь. Первое правило настоящего шолоховца: при чрезвычайной ситуации не вмешивайся, запоминай как можно больше – потом расскажешь всем в округе и станешь звездой.

Наконец, мне улыбнулась удача в лице пухленького поваренка. Он выходил из кухонных дверей с огромным подносом наперевес. Выйдя, повар узрел мчащуюся на него Цфат. Бедолагу это так напрягло, что он сразу же упал – без чьей-либо помощи, просто от неожиданности.

Постольку поскольку поваренок был в теле, а поднос – в тарелочках, узкий коридор оказался перегороден. Дриада

с разбегу врезалась в это добро, споткнулась и тоже упала. Сверху до кучи напрыгнула я.

Преступница была повержена!

Избавлю вас от утомительного пересказа последующих событий: того, как мы с гвардейцами производили арест, как я вытаскивала голову поваренка из кастрюли, где она застряла, как счищала с плаща-летяги остатки спагетти и со скрежетом зубовным вправляла колено...

Почувяв во мне новичка, стражники самовольно позвали на подмогу Ищейку. Так сказать, от греха подальше – пусть проследит за неразумной Ловчей.

Это была вчерашняя девушка.

При свете дня Андрис Йоукли выглядела очаровательно: мягенькая и розовенькая, как персик. Смешные очки ныряльщика все так же были при ней, на роли ободка для густых, подстриженных «каре» волос.

Андрис, и глазом не моргнув, помогла мне правильно заполнить бумаги об аресте и отмыть плащ. Она заразительно хохотала, когда я рассказала, как смешно гонялась за Цфат, и тем самым облегчила мой стыд. В конце Ищейка похвалила меня и радушно повторила приглашение обращаться за помощью, если возникнут «неловкости».

Мы, считай, подружились.

На прощание я попросила ее отправить ташени для По-лыни:

«Цфат под арестом. Ее волосы до самых корней измазаны

в смеси для ирисок. В тюрьме обреют – расчесать это невозможно. Баргест был прав, предсказывая несчастье».

После этого я с чувством выполненного долга пошла на улицу. В садовом лабиринте вдруг сообразила: я же во дворце, эй. И время, кажется, обеденное – законный перерыв! А один прелестный молодой человек как раз звал меня к себе на чай...

Любую грань между добрым совпадением и судьбой я трактую в пользу судьбы – так приятнее.

А потому, набравшись смелости, я остановила патруль стражников:

– Подскажите, как мне найти покои принца Лиссая?

Святилище

Рискуя, можно проиграть. Не рискуя, нельзя выиграть.

...Еще немного цитат хранителя Теннета

Как мне сообщили, Лиссай жил отшельником.

Его покои находились в восточном секторе острова. Тут не было ни входов во дворец, ни развлечений для придворных. Только озеро идеальной круглой формы, храм, тенистые аллеи и старая аркада.

Аркада утопала в ивняке. Тогда как большая часть дворцовых корпусов была построена «лесенкой», взбирающейся на самую вершину кургана, аркада вела строго по прямой и поэтому как бы уходила под холм. Зарывалась внутрь, прорубалась сквозь, полностью игнорируя давление земли. Будто хотела достигнуть самого сердца кургана.

Хотя почему «будто»?

Я округлила глаза и обратилась к стражнику, провожавшему меня:

– Там что, вход в некрополь?

– Да, в глубине. Но вход в покои принца будет раньше, – успокоил он.

Ну-ну. Не понимаю, как они вообще живут тут, во дворце

– ходят прямо по скелетам!

Конечно, сейчас все входы в глубь кургана надежно запломбированы, чтобы, так сказать, никто никому не мешал – ни мертвые живым, ни живые мертвым. Прецедентов до сей поры не было, но береженого лес бережет. К предкам не принято соваться.

Под старой аркадой было свежо и сумрачно. Если первые тридцать шагов ты делал по зеленой травке в окружении кирпичных арок и кустов, то потом уже шел по полуподземному туннелю. Каменные дуги, похожие на реберные кости, играли роль потолка. Скошенная боковина холма с каждой секундой все больше скрывала солнечный свет. Дальняя часть аркады терялась в густом сумраке.

Почти сразу я наткнулась на неприметную дверцу, увитую плющом. Я собралась с духом (о-хо-хо, я пришла в гости к принцу, мать моя женщина, в гости к принцу!) и постучалась.

Дверь открылась.

На пороге стоял Ищущий: высокий, худой, в атласной пижаме лимонного цвета. Последнее меня жутко смутило. Неужели я его разбудила? Его Высочество – адепт дневного сна? Но отступить было поздно.

– О, Тинави! Вам удалось выделить время, чтобы навестить меня – это чудесно! И к-как вы вовремя – мне к-как раз подали чай. Добро пожаловать в мое ск-кромное пристанище. – Лиссай светился от радости, как оранжевая ягода

дерева ошши. Такой же рыжий и теплый.

Я подумала, что мне хочется называть его Лисом, а не Лиссаем.

Он слегка поклонился и галантно пропустил меня внутрь. Когда принц повернулся, стало видно, что на спине его пижамы вышито королевское древо в короне – красота!

Но войдя в комнату, я обомлела.

Круглое помещение с купольным потолком не содержало почти никакой мебели. Только кровать, кресло и пустой мольберт.

Зато везде валялись банки с темперой и холсты, натянутые на подрамники.

Со стен были содраны обои, и голые, осиротевшие камни кто-то покрыл ярко-белой краской. То же самое случилось с паркетом. И постельное белье на неубранной кровати было белым. И обивка кресла. Вместо штор – тонкий белый тюль.

Мне показалось, что я снова в Лазарете.

Только распахнутые настежь окна под потолком добавляли помещению жизни. Растущая снаружи глициния бесцеремонно шарила сиреневыми ветками по комнате – они проваливались сверху вниз, наполняя спальню упоительным ароматом.

– К-как вам? – любезно спросил Лиссай, усаживая меня в единственное кресло и выдавая белую фарфоровую чашечку с чаем.

Чайник – белый – стоял прямо на полу.

– Весьма... необычно, – призналась я.

Как-то совсем не так представляешь дворцовые покои.

– Вы ведь понимаете, зачем это? – Лиссай посмотрел на меня заговорщицки. Нечто безумное мелькнуло в его глазах.

– Не хочу вас разочаровывать, – осторожно ответила я, снова обводя комнату взглядом. – Но нет, не понимаю.

Принц будто немного расстроился, но потом воспрянул духом и кивнул. После чего неожиданно разулся и босиком прошлепал в дальнюю часть спальни. Там он встал, широко раскинув руки, и торжественно объявил:

– После долгих экспериментов мне удалось создать пространство, из которого легче уходить в Святилище. То есть это я называю его Святилищем. Не знаю, какой вариант предпочитаете вы.

Я замерла с чашкой чая, не донесенной до рта.

– М-м-м... – протянула я, дугой выгнув брови. Лиссай приложил руку к сердцу:

– Тогда, в библиотеке, я сразу узнал в вас коллегу.

Я уставилась на принца, как баран на новые ворота.

Ну обалдеть! Всю жизнь я думала, что что-то знаю, а окружающие упорно доказывали мне обратное. Чаще всего это случалось на экзаменах. Но в последние два дня мир перестал спрашивать с меня ответы, автоматом выставляя «зачет». Что в ведомстве, что теперь. Интересный поворот.

– Коллегу, – задумчиво протянула я.

Не знаешь, что сказать – с умным видом повторяй за со-

беседником. Первые пару раз сойдешь за мудреца.

– Именно! – подтвердил принц. – Тогда от вас едва заметно пахло Святилищем, но мне все равно удалось почувствовать. – В подтверждение своих слов Лиссай энергично втянул ноздрями воздух: – А сейчас запах ощущается в разы сильнее. Тинави! Неужели вы были там на днях? Поделитесь подробностями, умоляю!

– Не уверена, что могу, – пробормотала я.

– Понимаю ваши сомнения. На меня тоже наводит дрожь мысль о том, что о таком загадочном месте можно говорить вслух. Но я все-таки говорю! И даже чувствую себя вполне к-комфортно. Значит, и вам это не доставит излишних неудобств.

Притворяться дальше было бессмысленно. Я ни праха не понимала.

– Лиссай... Мне очень жаль, но я не знаю, о чем вы.

Принц, мешавший чай резной серебряной ложечкой, замер. Ошарашенно поднял взгляд. Затем подошел и начал разглядывать меня, как экспонат в музее. Очень внимательно, до неприличия.

– Тинави, вы точно не знаете о Святилище? Возможно, нас сбивает лек-ксическое недопонимание? – с тревогой уточнил он.

– Не знаю...

Лиссай стал мерить комнату шагами.

Принц молчал, а я тоскливо следила за танцем пылинок

в лучах солнца. Кажется, не грозит нам с Лиссаем никакая дружба или что похлеще. Он меня явно с кем-то перепутал и теперь думает, как поизящнее выкрутиться. Небось в итоге опять сбежит. Без объяснений, как тогда в библиотеке.

Правда, не представляю, как он проделает этот трюк в собственной спальне.

Его Высочество меж тем почесал веснушчатый нос и чуть-чуть сгорбил и без того сутулую спину:

– Хорошо. Я сам расск-кажу вам про Святилище. Мой опыт показывает, что это едва ли совпадение. Тот запах, который привел меня к вам – особенный. Его нельзя не узнать. Только, пожалуйста, не перебивайте мой рассказ. Я был уверен, что никому и никогда не поведаю о Святилище, так что грядущий монолог – своего рода испытание и для меня тоже.

Я послушно кивнула.

Лиссай перестал наворачивать круги и забрался на кровать. С ногами. Потом залез под одеяло, тем самым напрочь стерев границы этикета. Глубоко вздохнув, принц начал свой рассказ.

История принца Лиссая

Лиссаю было душно во дворце.

Все вызывало раздражение. Портьеры казались слишком пыльными и тяжелыми. Лиссай попробовал свернуть одну из них тугим жгутом и подоткнуть за кресло – может, так она

станет менее приметной?

Но получилось еще хуже: непонятная бархатная сосиска, свисающая с потолка.

– Ваше Высочество, я могу вам помочь? – промурлыкала горничная, чьей единственной обязанностью было приносить завтрак и обольстительно улыбаться.

– Пришлите к-кого-нибудь, чтоб сняли эти портьеры.

Принц тоскливо поковырял содержимое подноса. Когда король Сайнор решил, что его младший сын болен, принца начали пичкать какой-то отравой. В ответ Лиссай не то чтобы объявил голодовку, но стал есть безрадостнее. Волнение врачей усилилось. В пищу перестали добавлять приправы. Аппетит принца вновь исчез... И так по кругу.

– Но, господин Лиссай, нельзя же оставить окна совсем без штор. Вся ваша спальня будет как на ладони!

– Повесьте вместо них белый тюль.

Горничная неодобрительно поджала губы, но промолчала. Лиссай увидел, как вокруг нее пульсирует темно-синее облачко недовольства, и захотел, чтобы она поскорее ушла – некрасивый, пугающий цвет!..

Честно говоря, принц всегда был странным, а теперь и вообще съехал с катушек. Этой весной он полностью поменял интерьер своих покоев. Сначала его перестали устраивать обитые красным бархатом кресла, потом – балдахин над кроватью. Стол, покрытый сукном. Книжные шкафы. Со временем каждый предмет подвергнулся опале и был заменен на

своего двойника чистого белого цвета. Дошло до того, что на той неделе принц самолично перекрасил стены.

Последний оплот здравомыслия, шикарные портьеры цвета осеннего леса, оставляли хоть какую-то надежду...

Но теперь комната Лиссая, белая и полупустая, пахла холодом. По мере того, как проходил день и солнце совершало свой небесный обход, освещение менялось. Но оно всегда оставалось безупречно чистым. Лиссай с удовольствием смотрел на свои руки в этом цветочном – из-за глицинии – цвете. Худые, бледные, щедро посыпанные веснушками ладони излучали волшебное сияние.

И, что самое важное, белый цвет не отвлекал. Из него удавалось уйти в Святилище.

Лиссай был художником, и, как писали газеты, художником-авангардистом.

Нет, в детстве он рисовал классические картинки: пейзажи, портреты, натюрморты. Сайнор не скупился на учителей и гордился сыном. Тайно. Внешне король не выказывал нежности: ведь королевский отпрыск должен быть в первую очередь государственным мужем.

Но как-то раз Лиссай упал с лошади. Приложился головой так, что в мозгу что-то щелкнуло. Что-то не то.

Принц стал видеть потоки света вокруг людей – будто акварель, расползающуюся по листу бумаги. У принца кружилась голова, а на публике подташнивало.

Позже Лиссай осознал, что видит всепронизывающую

энергию бытия – унни. Он не всегда понимал, что она значит, но научился с ее помощью читать эмоции людей.

А еще Лиссаю было тяжело смотреть на тех, кто только что колдовал. Они сочились грязью, как промокашки.

После травмы принц стал рисовать иначе. Его картины наполнились яркими, смелыми, волшебными огнями. Материальные объекты исчезли с холстов. Теперь там царили разноцветные потоки света.

Два месяца назад случилось чудо.

Лиссай писал огромную работу, во всю стену. Задача была сложная: изобразить дворцовую игру в крикет. Принцу никак не удавалось найти нужные оттенки: игроки испытывали самые разные эмоции, и под каждую требовался определенный тон. Да еще и магическая аура вуалью окутывала поле...

Вдруг Лиссай почувствовал, что его рукой движет что-то иное, не он сам. Не успел принц испугаться, как реальность у него перед глазами поплыла. Краски смешались, в горле запершило, вдохнуть не получалось, а в ушах тянулось бесконечное «до» нижней октавы...

Когда Лиссаю удалось «вынырнуть» из мельтешащих вокруг красок и утихомирить звон в ушах, он обнаружил себя в изящной каменной беседке на лесной поляне. Вокруг – ни души. Судя по деревьям и общему колориту, это мог быть Смаховый лес. А мог и не быть.

Лиссай огляделся. Потрогал одну из колонн ротонды – вроде настоящая. Принюхался и понял, что пахнет тоже

вполне себе реальными растениями.

Принц решил: неважно, что именно случилось, с этим успеется, но сейчас нужно двигаться в сторону дома. Сориентировавшись по матовому солнцу, похожему на яичный желток, он отправился на восток. Если уж не к Шолоху, то к морю рано или поздно выйдет.

Двигался принц медленно: беседку со всех сторон окружал густой туман, идти сквозь который было сложно и, если честно, страшновато. Впрочем, вскоре магическое представление с уезжающей по спирали реальностью повторилось, и Лиссай снова оказался в собственной спальне.

Очувтившись в безопасности, заинтересованный принц перевел дух и тотчас возжаждал вернуться обратно...

Он никому не рассказал о случившемся. Жизненный опыт подсказывал: простейший способ испортить чудо – заикнуться о нем прилюдно.

«Сегодня я побывал в Святилище...» – написал Лиссай в дневнике, решив, что таинственному миру нужно имя.

Через неделю его вновь закинуло в лесную беседку, тоже во время рисования. Принц обрадовался. Как ни странно, ему понравилось это место. Там царило сверхъестественное спокойствие. Его не оставляло ощущение того, что все идет правильно.

В дальнейшем Лиссай сам пытался спровоцировать подобные «скачки». Сначала ничего не получилось, потом кое-что стало вытанцовываться. Главным условием перехода

оказалась его внутренняя сосредоточенность. У всех так бывает: ты проваливаешься куда-то внутрь себя и потом с трудом возвращаешься к настоящему. Если так «проваливался» Лиссай, где-то там, на глубине, умудряясь обрести спокойствие (а не, скажем, «сосредоточенно» обдумывал какие-то проблемы или планы), то его выбрасывало к Святилищу.

Он начал понимать, что Святилище было живым. Оно хотело дружить. Ему было одиноко, но остальные люди... Остальные не подходили на роль гостей. Только Лиссай. Принцу казалось, что, если он начнет активнее изучать Святилище, то его ждут удивительные открытия.

Но Лиссай рос во дворце и был сыном короля, а потому – юношей осторожным. Он не понаслышке знал, что такое заговоры и под каким соблазнительным соусом они могут подаваться. Изучение Святилища шло очень медленно...

Впрочем, беседка в лесу давала принцу самое главное – творческие импульсы для новых работ.

Внешний мир больше не представлял для принца ценности. Он начал перестраивать комнату, ходить босиком, носить пижамы целыми днями, пропускать балы и засыпать на семейных ужинах, сбегать из дворца, чтобы инкогнито гулять по Шолоху – стражники вылавливали его в самых неожиданных местах и силком возвращали на остров.

Король и весь Дом Ищущих единогласно решили, что Лиссай ментально болен.

На самом деле, принц был счастлив и свободен, как нико-

гда.

* * *

– Поэтому, к-когда я увидел вас в библиотеке и почувствовал этот запах, я решил, что вы тоже избранница Святилища. Это невероятно вдохновило меня, – подвел итог принц.

Он сидел посреди кровати в обнимку с подушкой. Вторую подушку Лиссай кинул мне, так что я тоже не страдала от одиночества в своем белоснежном кресле.

– А как оно пахнет? – спросила я.

Чай в моей чашке давно остыл, и я осторожно опустила ее на пол.

– Это тонкий, пряный аромат, нечто среднее между деревом, перцем и скошенной травой.

– Хм, интересно. – Я задумалась. – Недавно со мной произошло одно загадочное событие... – Я вспомнила о бокки-с-фонарями. – Но во время нашей встречи в библиотеке я вела совершенно обычную жизнь. У меня нет ни малейшей идеи о том, что может связывать меня и Святилище.

Это было обидно – на протяжении всего чаепития вести себя, словно попугай с одной-единственной выученной фразой. Но что поделаешь.

– А я, наоборот, с к-каждой новой минутой наедине с вами убеждаюсь, что вы очень, очень тесно связаны с ним.

– Почему?

– Как я отметил в своем рассказе, я вижу мир не так, как большинство людей. – Лиссай снова развел руками.

Этот жест – неуверенный, извиняющийся – явно входил в число его любимых.

– Все окружающее для меня скорее состоит из красок, чем из контуров. Иногда я не в силах разобрать лицо собеседника, потому что оно затянуто желтоватой дымкой лести или тонет в пепельном облаке остаточной магии. А появление своей горничной я могу предсказать минуты за две. Знаете, к-как? Сквозь смежную с коридором стену проступают пульсирующие спирали влюбленности.

Я фыркнула. Ох уж эти горничные!

И смутилась тоже... Надеюсь, у меня там ничего такого не вырисовывается?

Лиссай продолжил:

– Но вас я вижу на удивление четко! Ничего не мешает. Ни одного завитка энергии вокруг.

Я дернулась, как от пощечины.

– Мне к-кажется, это связано со Святилищем, оно охраняет вас, прячет вашу унни от чужих взглядов, – мечтательно улыбнулся Лиссай.

Я отвела глаза. Мир как-то резко перестал быть радостным.

Ох, Лиссай. Милый принц.

Ни одного завитка энергии?

Я мигом вспомнила, что я – всего лишь заигравшаяся дев-

чонка. Лгунья. Убожество без магии. Никто.

– Лиссай, боюсь, дело все-таки не в Святилище... – протянула я и, собравшись с силами, подняла взгляд на принца.

И тотчас вскрикнула, потому что Лиссай начал стремительно таять в воздухе. И я, прах поberi, вместе с ним.

* * *

Так вот ты какое... Святилище.

Огромные стволы деревьев, столбами уходящие в облачное небо, такое низкое, что можно коснуться рукой. Фиолетовая россыпь незабудок под ногами. Эхо птичьего пения и обволакивающий со всех сторон музыкальный туман.

Все внешнее – пыль. Все внешнее – быль и боль. Иногда – радость, замешанная на ужасе от тикающего механизма времени, иногда – надежда, блуждающим огоньком дрожащая в беззвездной темноте. Все внешнее отдавай на откуп делам и планам, работам и балам, любимым и завистникам, норовящим ухватить кусок посочнее в твоём не зашторенном окне.

Для Святилища же сохрани крупницу вечности. Оберни ее шелком из снов и загадок, выпрями спину и вдохни поглубже само бытие.

– Это просто потрясающе, – то ли сказала, то ли выдохнула я.

Захотелось разуться и кружиться, кружиться, кружиться на траве, влажной от росы, пока не упадешь, счастливый, на

спину.

Лиссай был тут как тут. Он сидел на перилах каменной беседки, белой и прохладной в своем древнем величии. Принц весело тряхнул головой, так что рыжие пряди запрыгали, будто солнечные зайчики, и заулыбался во всю ширь океана.

– Я не ошибся в тебе! – воскликнул он. – И, да, обрати внимание, какой тут колоссальный запах!

Заикания как ни бывало. Я втянула воздух ноздрями. Действительно – скошенная трава, древесина, перец и еще жасмин.

– С ума сойти, от меня что, тоже так прекрасно пахнет? – Я с удивлением поняла, что, когда смеюсь, мой голос звучит просто божественно. Никогда раньше мне не нравился свой смех. Но тут он был похож на перезвон весенних колокольчиков.

– Еще прекраснее. – Лиссай спрыгнул с перил и подошел. Оглянувшись вправо-влево, он наклонился и тихо шепнул мне на ухо, как будто нас кто-то подслушивал:

– Оно радо нам, не правда ли?
Сердце забилося. Быстро, радостно.

Лиссай стоял передо мной – красивый, светлый, тонкий – и мир, казалось, улыбается вместе с ним.

Небо голубое. Как хорошо.

Я вдруг почувствовала, что вокруг полно энергии унни. Она льется между пальцев, шевелит волосы... Бери – не хочу.

Соблазн был слишком велик. Я осторожно потянулась за энергией – как делала это сотни, тысячи раз до инцидента.

И тотчас в туманном лесу Святилища пронзительно вскрикнула птица. Желток солнца заволокло облаками, порыв ветра хлестнул меня по щеке. Земля содрогнулась, и мы рывком перенеслись обратно во дворец.

– Ого, – сказала я, хватаясь за дверной косяк, чтобы не потерять равновесие.

Голова кружилась, перед глазами скакали цветные пятна. Лиссай выглядел абсолютно нормально – вот она, доминанта опыта!

– Поздравляю, Тинави, вы познать-комились со Святилищем! – с гордостью сообщил мне принц.

– Но почему нас так быстро выкинуло обратно? – удивилась я.

– Не знаю. Может, решило, что на первый раз хватит, вы все-таки новеньк-кая. Но вам понравилось?

– Не то слово, – ошарашенно подтвердила я.

Если рядом с Лиссаем мне было легко, то в этом странном Святилище вообще хотелось улететь за горизонт, размахивая руками, как крыльями, и идиотски хихикая. Если кто-то хочет похудеть – рекомендую попробовать Святилище! Место, где проблемы веса не существует.

И других проблем, кажется, тоже.

– Лиссай, – очень серьезно сказала я, заглядывая в зеленющие глаза принца. – Делайте что хотите, но приведите ме-

ня туда еще раз. Хорошо?

– К-конечно! – с восторгом согласился он.

Мы церемонно, по всем правилам этикета, распрощались.

Страшная судьба Олафа Сигри

При поступлении на работу всем госслужащим Шолоха наносят магическую татуировку на левое предплечье. Сотрудникам Теневого департамента – на правое. При увольнении или смене профиля татуировку сводят или заменяют новой.
Энциклопедия «Доронах»

Я вышла из покоев принца в сумрачную аркаду. Мысли порхали, как бабочки, и сладко путались.

Мои шаги гулким эхом отдавались в прохладной глиняной тишине. Тонкие лучи солнца по диагонали пересекали аркаду, еле-еле пробираясь сквозь ивняк снаружи. Неожиданно от одной из колонн отделилась тень. Я вздрогнула.

– Привет-привет, Ловчая! – Это оказался Полынь.

Куратор по-старушечьи поджал губы и стоял, скрестив руки на груди.

Ох! Кажется, мне сейчас всплут по первое число. Неужели ему уже рассказали о моей беготне за Цфат? Или Внемлющего возмутила самовольная отлучка к принцу?

– В следующий раз сразу вернусь в ведомство, без промедлений и перерывов на обед, – с ходу пообещала я, на всякий случай.

– Пойдем со мной, Тинави, надо поговорить, – голос у Пылыни был строгий.

Внемлющий осторожно взял меня под локоток. Даже сквозь рукав летяги я почувствовала холодок серебряных браслетов, плотно обхватывающих, один за другим, предплечье куратора.

Мы молча покинули аркаду. А потом, к моему удивлению, пошли не прочь из восточного сектора, а свернули к озеру.

Полынь, не отпуская меня, левой рукой сделал несколько быстрых пассивов. Он сложил большой и указательный пальцы колючком, шепнул заклинание и резко дунул в получившуюся дырку. Вокруг нас возник прозрачный переливающийся пузырь, похожий на мыльный. Пузырь Бубри – мера против подслушивания.

Я не на шутку разнервничалась.

Наконец, куратор вздохнул и сказал, продолжая все так же тащить меня в неизвестном направлении:

– Я знаю, что у тебя нет магии, Тинави. – Монетки в его волосах зазвенели, будто акцентируя слова владельца.

– О, – сказала я.

Я тяжело сглотнула.

Я посмотрела на собственные ботинки.

Я шмыгнула носом.

Полынь продолжил:

– Это я подал твоё заявление на вакансию Ловчей.

А вот это уже что-то новенькое.

– Но зачем?

– Не поверишь – из-за принца Лиссая.

Перед мысленным взором у меня возникла длинная строчка из восклицательных и вопросительных знаков. Вербально я не стала выражать свое удивление, решив дождаться продолжения.

Но Полынь шел, как ни в чем не бывало. Он, зараза, из тех людей, кто говорит только тогда, когда сам этого хочет. Спрашивай, не спрашивай – лишь воздух зря сотрясаешь. Так что ладно, поиграем в молчанку.

Мы подошли к кромке озера.

Отсюда открывался дивный вид на Храм Белого Огня – главную достопримечательность острова-кургана. Бежевые башни храма вырастали вверх, будто сделанные из мокрого песка; фасад, составленный из трех стрельчатых порталов, таял на палящем майском солнце, а фигуры храбрых воинов, выстроившихся по фронту, казались кремово-безобидными.

Хороший храм, одобряю. Похож на мороженое.

От храма к нам быстро шел высокий короткостриженный мужчина. Его блестящий жемчужный балахон вызвал у меня удушающий приступ зависти. И почему священники одеваются моднее, чем даже самые обеспеченные горожане?

Мужчина шагнул внутрь «мыльного пузыря». Они с Полыню пожали друг другу руки. Затем священник ритуально поклонился, прижав сложенные ладони к губам: там, где со-

единялись мизинцы, был нарисован глаз, половины которого встречались лишь при таком жесте. У глаза было шесть ресничек – по числу богов-хранителей.

– Тинави, позволь представить тебе господина Эрвина Боу, служителя Храма Белого Огня и, по совместительству, нашего информатора. Эрвин, это Тинави из Дома Страждущих – новенькая Ловчая.

Мы выразили взаимное удовольствие от знакомства. Я старательно сохраняла нейтральное выражение лица, хотя количество вопросов росло, а вот ответов, увы, не прибавлялось.

– Эрвин, расскажи об убийствах.

Священник кивнул и посвятил меня в детали произошедшего, не обременяясь хоть каким-либо вступлением.

Итак.

Первый труп был найден месяц назад, на закате, в этом самом озере. Тело обнаружил мальчик-хорист, коего злобные однокашники скинули в воду единственно по причине детской жестокости. Зацепившийся за водоросли хорист долго барахтался, выводя отнюдь не ангельские трели, пока, наконец, не наткнулся ногой на нечто холодное. Оно было скользкое и слегка сияло в темноте.

Вопли юнца достигли ультразвука.

То, что раньше было человеком, отчаянно пыталось всплыть со дна, но не могло – мешала здоровенная гиря на ноге. Мальчишечья свора была на седьмом небе от находки,

но их бурное ликование вскоре прервал сам Эрвин Боу. Священник разогнал детишек и вызвал на место преступления Смотрящих из Лесного ведомства.

– Но Смотрящие уже на следующий день сообщили, что это дело «им не подходит», – продолжил Эрвин.

Священник, Полынь и я поднялись на рыбацкие мостки. Полынь по-свойски сел, свесив ноги к самой воде.

Эрвин вздохнул.

– Убитым оказался садовник по имени Олаф Сигри, уроженец Асулена. То есть дело должно было расследовать Иноземное ведомство. Однако труп покрывали письма, наполовину смывшиеся. Они имели явно заклинательное происхождение и требовали дешифровки, а значит, попадали под юрисдикцию Башни магов. Детективы запутались, послали запрос. Был вечер пятницы, так что им ответили не сразу. В понедельник дело Олафа Сигри все-таки решили отдать Ловчим. Но Иноземное ведомство отказалось «просто так» брать на себя лишнее преступление и запросило сопроводительные документы. Задним числом Смотрящие пошли собирать улики. И... нашли в озере еще шестерых. Уже в виде скелетов, болтавшихся на цепях. Пока задокументировали, пока передали Ловчим... Только через неделю убийство досталось господину Полыни. Благослови хранители души усопших! – Священник машинально коснулся лба кончиками пальцев.

– Классно, – вздохнула я. – Оперативно сработали, что тут

скажешь.

В разговор вмешался куратор:

– Вернее сказать, что на меня сбросили сразу семь убийств. Причем в ходе следствия стало ясно, что шестеро предыдущих пропали, мягко говоря, давно. Сообщения об исчезновениях поступали равномерно с самого начала апреля. Вот только к пропажам людей в Шолохе относятся беспечно – мало ли куда захотел уехать взрослый человек? Ну и что, что никому не сказал? – а потому дела велись крайне вяло.

– Если бы не стечение обстоятельств, то и тело Олафа Сигри предстало бы нам в виде скелета. – Священник еще раз набожно коснулся лба. – Предыдущих жертв съели ливьятаны, раньше водившиеся здесь в изобилии.

Вода озера пошла рябью от легкого ветерка.

Я вздрогнула, представив себе ливьятанов на глубине – мерзкие, слизкие, прожорливые змеи с огромными зубами и совсем без мозгов.

Полынь снова перехватил нить рассказа:

– Наш маньяк – мы называем его так – рассчитывал, что Олафа постигнет та же судьба. Но около месяца назад местные ундины по пьяни снесли решетку, отделявшую озеро от рва Рейнич. И ливьятаны умчались на волю, а труп остался сам по себе.

Меня передернуло от отвращения.

Многие в Шолохе держат в декоративных прудах ливья-

танов.

Считается, что эти падальщики очищают и «лечат» воду. Но, насколько я ненавижу насекомых, настолько же мне не нравятся и толстые подводные змеи с острыми плавниками вдоль хребта.

А уж мысль о том, как они обгладывали трупы...

– Его выловили здесь. – Эрвин Боу подвел меня еще ближе к зеленой от водорослей воде. Информатор шепнул короткое заклинание, и стайка серебристых искорок очертила место, где нашли тело.

– Спасибо, Эрвин. На этом все на сегодня.

Священник кивнул нам, покинул пузырь Бубри и ушел в сторону храма.

Полынь предложил мне сесть на скамейку неподалеку, чтобы продолжить разговор.

– Спрашивай, а я буду отвечать, – просто сказал он.

Я прислушалась ко всей той какофонии мыслей, что сотрясала мой разум, и, вдохнув речной гнильцы, начала с самого важного, пусть и немного устаревшего вопроса:

– Ты подал заявку на должность Ловчей якобы от моего лица. Как получилось, что ее одобрили?

Стрекозы с треском вспарывали неподвижный воздух. Из зарослей шиповника выкатился павлин, клекочущий в поисках самки.

Полынь закинул ногу на ногу и неспешно начал завязывать волосы в узел.

Я закатила глаза, борясь с желанием немедленно отобрать резинку и дать ему ею по носу. Намеренная неторопливость Полены изматывала.

Наконец, куратор пожал плечами:

– Когда комиссия Иноземного ведомства набирает новичков, поступившие заявки распределяют среди действующих Ловчих. Каждому достается штук по десять. В течение недели мы вас «пасем». Проверяем на профпригодность. И в итоге рекомендуем взять кого-то одного, с кем сами готовы возиться на роли кураторов. Я добавил к полученной мною стопке «твою» заявку, а потом сообщил, что ты – отличная кандидатура.

Меня поразило то, что Полень столь легко признался в мошеннических действиях.

Это напомнило мне Кадью – она так уверена в том, что является «хорошим человеком», что зачастую совершает дикие, неправомерные глупости. Верит, что в ее эксклюзивном исполнении они не являются «чем-то плохим».

– Ладно. – Я приступила к следующему вопросу: – Ты сказал, что нанял меня из-за принца Лиссая. Что это значит?

– Ты внимательно слушала рассказ Эрвина Боу?

– Да.

– Так вот, он сказал о шести скелетах и одном трупe. Этот труп покрывали рисунки черной краской. Криминалисты обнаружили следы такой же краски на цепи одного из скелетов. Вдобавок – Эрвин об этом не знает – потом мы на-

шли еще один труп... Уже не в озере, но тоже на территории дворца. Сожженный. При помощи химического анализа мы установили личность и отыскиали след от той же самой краски – очень, я скажу тебе, редкой. Никаких других улик по делу у нас нет. Ни одной. Запросив информацию по краске, я выяснил, что во всем Шолохе только один человек пользуется таковой. Принц Лиссай.

Полынь умолк и расслабленно откинулся на скамейке. Явно ждал от меня новых вопросов.

– Но при чем здесь я?

Полуприкрытые глаза Полыни блеснули:

– Лиссай, скажем так, болен ментально.

Я кивнула, вспомнив рассказ самого принца. Та же обтекаемая формулировка под авторством короля и придворных. ... Видели б они Святилище!

Куратор продолжил:

– Из-за этого он находится под домашним арестом. Сайнор голову на отсечение даст, лишь бы в прессу не просочились слухи о том, что один из его сыновей тронулся умом – при должной подаче это может привести чуть ли не к государственному перевороту. Поэтому к Лиссаю не пускают никаких чиновников. И я, как ни бьюсь, не могу получить доступ к своей единственной зацепке. Только слежу издали. И поэтому знаю, что ваша библиотечная встреча с принцем стала для него ярким событием. Ты, Тинави, единственный человек, кроме слуг, с которым он разговаривал за дол-

гое время. Я проверил твою биографию и подумал, что тебя можно привлечь к этому делу.

– Но зачем нанимать меня в качестве Ловчей? Почему нельзя просто... ну не знаю... попросить о помощи?

– Есть такое понятие, как «законно добытые сведения». В Шолохе таковыми считаются данные, которые лицо сообщает лично работнику правоохранительных органов – при этом по доброй воле. Поэтому ты должна работать у нас, иначе я не смогу использовать полученную тобой информацию. И, раз уже сейчас был сезон найма новых Ловчих, я решился на небольшую аферу.

Нифига себе небольшую.

– Ладно, – я почесала затылок. – Но если к Лиссаю не пускают госслужащих, то почему охранники так спокойно относятся ко мне?

Полынь потер руки и засмеялся:

– Вот это и был мой любимый поворот! Удивительное везение! Я даже не поверил сначала, что так бывает. Скажу больше: не обладай ты этой особенностью, не стал бы я подавать за тебя заявление, все равно бы не помогло. Знаешь, каким образом охраняют Лиссая?

– Ну?

– Придворная чародейка создала заклинание, которое дает сигнал тревоги, если к принцу приближаются люди со светящимися татуировками. Ведь у каждого из десяти... пардон, уже девяти ведомств есть своя метка, которая, как ты

успела заметить, важнее, чем значок. Таким образом, надежно отсекается 100 % служащих. Или, вернее, 99,99 %. Ведь у нас есть ты – уникальная Тинави из Дома Страждущих, от прикосновения которой даже баргесты исчезают. Что уж там говорить о какой-то потухшей наколке!

Он был очень довольным, как наевшийся кот, этот жуткий человек по имени Полынь.

Я же чувствовала себя не пойми как: то ли обиженной (обман! сплошной обман!), то ли обнадеженной (мой главный недостаток обернулся плюсом). Впрочем, над этой амбивалентностью чувств царила грусть: судя по всему, в Иноземном ведомстве я не задержусь. Выполню задачу – и до свидания.

– Слушай, Полынь... А что именно тебе от меня надо-то?

– Как что? – Он вытаращил глаза. – Поговори с Лиссаем! Я дам тебе список вещей, которые надо узнать. Что это за краска, почему он ее выбирает. Для чего использует. Какие разновидности магии предпочитает. Знал ли наших жертв. Его алиби. Ну и так далее.

– То есть Лиссай – подозреваемый? Что-то не верится. Принц действительно не от мира сего, но его интересуют совсем другие вещи. Уж точно не серийные убийства.

– Давай, Расскажи мне о том, что симпатичные художники королевских кровей не бывают преступниками. – Полынь фыркнул. – На данный момент Лиссай – это наша единственная зацепка, как я уже и сказал. Мне нужно раскрыть это де-

ло, понимаешь? – Глаза у него фанатично загорелись.

– Ну да, ну да. Я слышала про твое желание стать Генералом Улова.

– Да, это для меня очень важно, – не стал отнекиваться куратор. – Но есть еще понятие правосудия, знаешь ли. Наш маньяк убил уже восьмерых, но гуляет на свободе без какого-либо намека на неприятности. Когда он убьет в следующий раз?

Я подняла с земли камешек и, размахнувшись, швырнула его в озеро. По воде побежали круги.

Полынь, конечно, все логично говорил. Но я расстроилась. Подделать документы, нанять калеку на серьезную должность, обойти охрану Сайнора... Внутри меня все восставало против подобного поведения многоуважаемого Ловчего.

– И часто ты действуешь такими методами? – угрюмо поинтересовалась я.

Куратор помолчал, прежде чем ответить. Его голос неуловимо изменился: тембр стал ниже, что ли. Всю беседу до этого он вел в энергичном ключе: слышалось, что он взбудоражен, увлечен этим делом, его разбирает азарт и жажда победы. Сейчас Полынь стал серьезен и спокоен. Рукой накрыл мою ладонь, посуровел.

Видимо, уловил мое недовольство и попытался обаять:

– Пару раз бывало. Но это исключение, а не правило, поверь, Тинави.

– Ах, вот оно как. Ну ладно. – Я пожала плечами и убрала руку в карман. – Я поговорю с Лиссаем.

Он мгновенно вынул из складок одеяния сложенный пополам листок бумаги. Я развернула его. Список вопросов к принцу был снабжен подробными комментариями и указаниями.

Я задумчиво подергала покалеченное ухо.

– Шустро! Но я скажу Лиссаю, что спрашиваю это по велению начальства.

– Без проблем. Более того, ты обязана прояснить этот момент – а то снова получатся «незаконно добытые сведения». – Полынь весело кивнул. Потом по-птичьи наклонил голову и добавил:

– Понимаю, ты сейчас видишь все это в качестве грандиозного обмана, но, на самом деле, я никому не причиняю зла своими действиями.

– Да, конечно, – холодно согласилась я. – А что будет со мной, когда я получу информацию? Меня уволят?

– Нет, – куратор улыбнулся. – Давай разберемся с маньяком, а потом просто продолжим работать в паре. Моего волшебства хватит на двоих.

– Хорошо. На сегодня еще задачи есть? Мне идти к Лиссаю?

– Нет, это уже завтра. Пусть сигнализация на татуировку и не сработает, но стража может напрячься, если ты к нему дважды за день придешь. Отправляйся домой.

– Спасибо. И спасибо, что прояснил еще один вопрос.

– Какой? – Его проколота колечком бровь поползла вверх.

– За что тебя так не любит Селия: ведь мало кому нравятся рвущиеся к славе манипуляторы.

– Хе-е-ей, Тинави, погоди!

Но я уже встала со скамейки и пошла прочь.

Полынь был интересным малым, и где-то в глубине души я представляла, как мы вдвоем станем самыми эффективными Ловчими в Шолохе. Будем получать награды, раздавать автографы, пить вино на дворцовых приемах... Но после этого разговора мечты лопнули, как тот антиподслушивающий пузырь.

Ничего криминального не случилось, но я выяснила: меня, что называется, купили, дабы использовать в своих целях. И мне это не понравилось.

Будь Полынь шантажистом по натуре (а вдруг он и был, понимаете?), он бы мог пойти дальше и навариться на мне: делай это и это, а не то всем расскажу, что ты обманом поступила в ведомство. А я что? Я ничего. Уверена, если бы ситуация дошла до расклада «мое слово против его слова», я бы проиграла.

Грустно быть тем, чья голова полетит сразу же, стоит начаться боевым действиям.

Более того, Полынь заранее просчитал, что, попадая на службу, я не стану никому рассказывать о том, что у меня

нет магии и я вообще не пойми как здесь оказалась. То есть он предвидел мое не самое благородное поведение.

Он прочитал эту ложь, трусость в моем характере — и оказался прав. Ставка сыграла... Такое осознавать особенно неприятно.

Как говорится, в других нас больше всего бесят те черты, которые есть и в нас самих. И Полян, и я, судя по всему, были не прочь поставить личные интересы над общественными, коли возникала такая возможность.

Мне было стыдно.

У госпожи Пионии

Половина шолоховских анекдотов посвящена госслужащим. Чаще всего высмеивают злобных Ходящих. На втором месте – Стражи, предстающие глупыми и нерасторопными. На третьем – «жадные» и «предвзятые» работники Правого ведомства.

Энциклопедия «Доронах»

После разговора с Полюньей мне срочно требовалась доза эндорфинов.

Я решила отправиться к какому-нибудь из своих «позитивных якорей».

Этим термином я называю места, где мне хорошо. В каком душевном состоянии туда ни приду – мир становится веселее. Дахху говорит, это потому, что когда-то в этих местах я несколько раз подряд чувствовала себя счастливой. И теперь, когда я там оказываюсь, в подсознании срабатывает «триггер», механически подтягивающий мой эмоциональный фон до «привычного» месту.

Звучит забавно. Вообще, хитрости нашей психологии – одно из чудес, доступных даже не-магам. Это утешает.

Мой самый близкий к дворцу «якорь» – Морская площадь. Она начинается прямо за рвом Рейничем, рукой по-

дать.

Признаю, Морская площадь – странный топоним для города, затерянного в чащобе. Но правдивый: здесь стоит огромный фонтан с каменной группкой ундин. Вода, гейзерами бьющая вокруг скульптур, – соленая. По составу она такая же, как вода Шепчущего моря.

Каждый июнь в Башне магов начинается сессия. Тогда к фонтану приставляют стражей, потому что послушники считают доброй приметой выпить стаканчик «морской» воды в ночь перед экзаменом. А вода эта заколдованная, поэтому последствия могут быть ужасными – ведь все организмы поразному реагируют на магию в желудке.

Но послушник не был бы послушником, если бы думал о безопасности больше, чем о хотя бы призрачной возможности получить «отлично». Поэтому юные маги идут на многочисленные ухищрения, чтобы обмануть стражей и все-таки хлебнуть заветной водицы. Иногда доходит до шедевраль-ных инсценировок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.